

Т. ПОСТНИКОВА



Замечательные КАНИКУЛЫ

Фантастическая повесть
для людей переходного возраста



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Татьяна Постникова

Замечательные каникулы

«Прометей»

2016

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2 Рос=Рус)6-442

Постникова Т. М.

Замечательные каникулы / Т. М. Постникова — «Прометей», 2016

Переходный возраст – это вам шуточки! То страхи одолевают, то обиды. Собственные родители становятся непонятными, как марсиане, с лучшей подругой общего языка не найдёшь. А ещё прыщи! Надо что-то делать! А что если отправить родителей в далёкую экспедицию, а самой на полгода оставить школу, переехать в другой город и полностью поменять образ жизни? И вот уже впереди невероятные приключения, неожиданные знакомства, нешуточные схватки с коварными врагами и, конечно, новые друзья! Когда сражаешься со страшными Рыцарями зла или спасаешь жителей целого города от коварной кислотной реки о прыщах даже подумать некогда. А общий язык, оказывается, можно найти даже с камнем. И, вообще, все сложности переходного возраста кажутся не такими критичными, когда выясняешь, что такое бывает не только с тобой. Словом, каникулы удались!

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2 Рос=Рус)6-442

© Постникова Т. М., 2016
© Прометей, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	38
-----------------------------------	----

Татьяна Мефодьевна Постникова

Замечательные каникулы

Посвящается Лизе Макаровой, которая подробно рассказала о трудностях переходного возраста и объяснила, чем его 134 день отличается от 136.

Татьяна Постникова

© Т. М. Постникова, 2016.

© Издательство «Прометей», 2016.

* * *

ВЧЕРА МЫ ПОССОРИЛИСЬ С МОЕЙ ЛУЧШЕЙ ПОДРУГОЙ ИРКОЙ БОЛДОВОЙ. Я ПОПЫТАЛАСЬ РАССКАЗАТЬ ЕЙ ОБО ВСЁМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО СО МНОЙ ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ, НО ИРКА ВДРУГ СКАЗАЛА:

– НУ, ХВАТИТ УЖЕ! МАЛО ТОГО, ЧТО ТЫ УЧИТЬСЯ НАЧАЛА НА ПОЛТОРА МЕСЯЦА ПОЗЖЕ, МАЛО ТОГО, ЧТО ТЫ ПОЛГОДА ПРОВЕЛА В МОСКВЕ И ХОДИЛА В БОЛЬШОЙ ТЕАТР, МАЛО ТОГО, ЧТО У ТЕБЯ СМАРТФОН САМЫЙ КРУТОЙ В КЛАССЕ, ТАК ТЕБЕ ЕЩЁ НАДО ВСЯКИЕ НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИДУМЫВАТЬ, ЧТОБЫ МЫ ТЕБЕ ЕЩЁ БОЛЬШЕ ЗАВИДОВАЛИ. ВООБРАЖАЛА!

ЗРЯ ИРКА ТАК. ЭТО, НАВЕРНО, ПОТОМУ, ЧТО У НАС ВОЗРАСТ ТАКОЙ ТРУДНЫЙ. ПЕРЕХОДНЫЙ. МАМА ГОВОРIT, ЧТО В ЭТОМ ВОЗРАСТЕ ЛЮДИ ПЛОХО ПОНИМАЮТ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ.

А НА САМОМ ДЕЛЕ Я НИЧЕГО НЕ ПРИДУМЫВАЛА! ЭТО ВСЁ И ВПРАВДУ БЫЛО, И НАЧАЛАСЬ ЭТА ИСТОРИЯ В МАРТЕ ПРОШЛОГО ГОДА.

Надо сказать, что я ужасно не люблю, когда взрослые говорят: «Ты уже большая девочка». После этого всегда следует какая-нибудь гадость. Стопудово! Поэтому когда мама пришла ко мне в комнату и сказала: «Маша, ты уже большая девочка», – сердце моё ухнуло в пятки.

Что случилось? Неужели мама или папа заболели? Судя по маминому серьёзному виду, речь не о простуде пойдёт или там о переломе каком-нибудь. А если это та самая ужасная болезнь, о которой я даже думать не хочу?

В прошлом году у Ярика Ладынина от этой болезни папа умер. Ярик потом очень часто плакал. Нам было его ужасно жалко и тоже хотелось плакать, но Ярик страшно злился, когда мы пытались его жалеть, и однажды даже нас с Ирккой поколотил. Мы с Ирой почти и не обиделись на него, а мама мне сказала, чтобы мы к Ярику не приставали, ему и без нас тошно. А мы и не приставали совсем, мы его просто пожалеть хотели. Просто у нас возраст переходный, что ни сделаем – всё невпопад получается.

Нет, нет, эта болезнь не должна к нам прийти. У Ярика папа курил, может, потому и заболел, а мои папа и мама совсем не курят и спортом занимаются. Летом мы в походы ходим, вместе на велосипедах катаемся, плаваем, а зимой на лыжах...

Мама, обескураженная моим молчанием, спросила:

– Маша, ты меня слышишь?

Нет, вряд ли кто-то из них серьёзно заболел. У мамы голос не жалобный, а даже чуточку раздраженный. А, может быть, мои родители решили разводиться?! Вот уж не ожидала от них такой гадости.

Хотя, если честно, то у нас почти у половины класса родители уже в разводе. А вот у Анютки Скобцевой родители сейчас разводятся. Такая жуть! У Анюты такой вид теперь, будто она очень сильно чего-то испугалась и никак не может в себя прийти. Она от каждого слова вздрагивает. Ирка говорит, что у Анюты, наверно, невроз. Короче, Анютке сейчас очень плохо, она очень переживает, хотя папа у неё военный и очень строгий, и ей часто от него влетало.

Но мои-то мама с папой замечательные люди! И такие добрые, и так любят друг друга. А ведь, если они разведутся, то мне, как сейчас Анюте Скобцевой, предложат выбирать, с кем остаться. Но я же, не могу выбрать! Я и маму люблю и папу. Нет, это невозможно! И зачем им это?

Может быть, они всё-таки не будут разводиться?

Но я точно слышала, как последние две или три недели они о чём-то очень горячо говорили в своей комнате. И у мамы вид какой-то виноватый...

Меня прямо жаром обдало от таких мыслей, и прежде, чем мама ещё раз окликнула меня, я закрыла уши ладонями и заорала изо всех сил.

– Нет! Я не большая! Я ещё маленькая! И у меня возраст переходный, и мне нельзя говорить всякие гадости, чтобы не травмировать мою нежную психику! А-а-а!

Мама попятилась, а на мой крик в комнату влетел перепуганный папа.

– Что здесь происходит?

– Я не знаю, – испугано ответила мама.

А я зажмурилась, сжала кулаки так, что ногти больно впились в ладони и крикнула:

– Скажите честно, кто-то заболел?

Папа с мамой переглянулись.

– Никто не заболел.

Потом мама кинулась ко мне.

– Машенька, что у тебя болит. Ты не пугайся, сейчас мы доктора вызовем или в больницу поедem. Всё будет хорошо.

– Я здорова! Только не надо этого делать! – продолжала вопить я.

Папа решительно оторвал мои руки от ушей и спросил:

– Машка, ты о чём?

Слёзы брызнули у меня из глаз.

– Папочка, мамуленька, ну, миленькие мои, ну, пожалуйста, не разводитесь.

– А кто говорит о разводе? – удивился папа.

– А разве мама не об этом хотела со мной поговорить?

У меня даже слёзы от удивления сразу высохли.

– Нет, конечно, – ответил папа.

Мама осторожно присела на стул и перевела дыхание.

– Что за глупости приходят тебе в голову?

– Правда-правда не об этом? – я вцепилась в папину рубашку и заглянула ему в глаза. – Правда?

– Ну, по крайней мере, на ближайшие пятьдесят лет мы развод не планировали, – сказал папа, обнимая одной рукой маму за плечи, а второй тихонько дёргая меня за нос.

– Мама, а зачем тогда ты сказала, что я большая девочка?

– А ты думаешь, что двенадцать лет недостаточное основание для этого? – спросил папа.

– Ну, мне же двенадцать не сегодня исполнилось, а месяц назад.

– Да, конечно. Просто мы с мамой хотели поговорить с тобой как с серьёзным взрослым человеком.

– О чём? – снова насторожилась я.

– А ты, точно, не будешь нас больше пугать своими криками? – спросила мама, беря меня за руку.

– Обещаю.

– Костя, давай, наверно, ты начинай, – сказала мама, – я уже и не знаю, как говорить.

– Да, конечно, – папа кашлянул, прочищая горло, – видишь ли, Маша, нам с мамой предложили интересную работу.

– Очень интересную, – эхом отозвалась мама.

– В одной небольшой африканской стране надо разведать и просчитать месторождение радия. И нас с мамой пригласили в группу геологоразведки.

– Но работа долгая. Рассчитана на несколько месяцев, – добавила мама, – и ещё там ужасные условия: антисанитария, жуткий климат, мухи цеце. Говорят, там даже есть людоеды!

– Короче говоря, мы никак не можем взять тебя с собой, – подхватил папа, – людоедов там, конечно, скорее всего, нет, но условия и впрямь для тебя неподходящие.

– А мне так хочется поехать в эту экспедицию, – тихо вздохнула мама, – понимаешь, такое предложение бывает один раз в жизни.

Я совсем не ожидала такого поворота и растерялась.

– Так, что же вы от меня-то хотите? – спросила я.

– Понимаешь, Машенька, – сказала мама, – мы сначала думали, что, может быть, ты поживешь полгода у бабушки, но там буквально со дня на день у тёти Насти должен появиться малыш, и будет просто не до тебя.

– Вот мы и решили предложить тебе пожить это время в Москве у дяди Вадима и тёти Кати. Как ты? согласишься?

Ха! Соглашусь ли? Во-первых, мамин старший брат и его жена – классные. Это вам не у занудных деда с бабкой сидеть, да еще в обществе писклявого тёти-настиного младенца!

Я познакомилась со своими московскими родственниками по-настоящему (до этого мы только скайпились) в прошлом году, когда они приезжали к нам в Екатеринбург погостить, – и сразу поняла, что они здóровские. А ещё у них есть замечательная собака, настоящий ирландский терьер по кличке Гусар с такими красивыми рыжими усами. С Гусаром мы подружились, тогда же, в прошлом году. Дядя Вадим и тётя Катя брали его с собой, когда приезжали к нам. Мы с Гусаром две недели почти не расставались, а когда его увезли, я ужасно скучала.

Ну, и вообще, полгодика прожить в Москве совсем не кисло. Девчонки обзавидуются. Приеду в седьмой класс вся из себя такая москвичка.

Короче, я поняла, что меня ожидают совершенно замечательные каникулы.

Но в тот момент я ещё и представить себе не могла, что это будут самые лучшие каникулы в моей жизни.

– Маша, Маша! – мама уже спешила уточнить всякие подробности.

Неужели боялась, что я передумаю?

– Флёрку тебе, наверно, придётся взять с собой. Тёте Насте очень не нравится, как он кричит. Она вообще попугайчиков недолюбливает. А дядя Вадим и тётя Катя возражать не будут.

– Возьму, конечно. А когда надо ехать?

– Не торопись. Экспедиция начинается четвёртого мая. Кстати, успеешь ещё подтянуть свой английский. А то тебя могут и не отпустить из школы с такими оценками.

Подтянуть английский! Легко сказать. Да мне эту дохлую тройку ставят только потому, что я по остальным предметам круглая отличница. А по английскому языку по справедливости выходит настоящая пара, чего уж там скромничать. Но я ничего не могу с собой поделаться. У нас англичанка – дура.

Пишет в дневнике: «Маша *сுவремя вертетца* на уроках!» Учительница!

– С языком я помогу, – сказал папа, – я уже договорился с Дианой Петровной. Она Машу подтянет.

– Только бы не перетянула, – хихикнула я, – а то, как заговорю с оксфордским акцентом, наша англичанка на месте помрёт.

– Прекрати так говорить об учительнице, – папа строго погрозил пальцем, – и знай, работать придётся изо всех сил. Диана Петровна за каждый артикль с тебя будет по семь шкур драть. И ещё учти, по всей вероятности, тебе придётся пропустить в школе не только май, но и сентябрь, а также, возможно, и большую часть октября. Но только попробуй отстать от школьной программы! Если ты не уверена в своих силах, давай сразу откажемся от этой авантюры.

– Нет, нет, папочка! Обещаю: буду заниматься как зверь.

– А ты много зверей-отличников видела? – хмыкнул папа.

– Я буду, как дрессированный зверь, такой как в цирке, – сказала я, – в цирке-то они, наверно, все отличники, иначе бы они в зоопарке сидели.

– Не знаю, не знаю. Ну, смотри. Ты пообещала. А то в зоопарк тебя отдадим.

* * *

А через два месяца с заслуженной четвёркой по английскому, с чемоданом, набитым учебниками, и самыми радужными мечтами я почти всю ночь, прилипнув к окну поезда, смотрела с нетерпением, когда же мы увидим Москву. Впереди у меня были самые замечательные каникулы на свете.

Все формальности уже были улажены замечательным образом. Папу назначили руководителем экспедиции, а маму зачислили в группу геофизиком. Папа и мама прямо-таки светились от предвкушения интересной работы. Сейчас они ехали в Москву, чтобы проводить меня и через день вылететь в Кигали, откуда им следовало отправиться куда-то вглубь Руанды.

В Москву мы въезжали на рассвете. Столица встретила нас солнцем. Оно сияло в широких окнах, позолотой растекалось по крышам, дробилось и сверкало в проносившихся мимо нас автомобилях. Даже воздух был золотисто-розовым от солнца. Красотища! Пока мы ехали в такси, мама пыталась что-то рассказывать мне о том, что проносится за окнами машины, но я никак не могла сосредоточиться, просто впитывала красоту за окном. Это была не та чужая открыточно-официальная Москва, которую я сто раз видела на картинках и по телику, это была какая-то совершенно иная: живая и радостная Москва. И она мне ужасно нравилась.

– Ну, вот, – сказал таксист, – приехали. Вам сюда.

Мы вышли из машины. Таксист вынул из багажника наши чемоданы и, пожелав нам счастливого времяпрепровождения в Москве, укатил.

Мама сверилась с записной книжкой, и мы приблизились к воротам дома.

Здание на Дорогомиловской улице охранялось как космодром. По двору там бродила целая армия охранников, и повсюду были понатыканы камеры видеонаблюдения. Едва мы подошли к воротам, как сразу пять камер насторожено повернули в нашу сторону жадные крысиные рыльца. Я, признаться, оробела и даже подумала, что ну её эту Москву. Мама тоже явно чувствовала себя не в своей тарелке. И даже папа, самый храбрый человек на земле, кажется, присматривал пути отступления. Мы стояли у ворот вокруг своих чемоданов и неуверенно оглядывались. Я прижимала к груди клетку с Флёркой. Один из многочисленных охранников решительно двинулся в нашу сторону. И тут Флёрка, обычно не слишком разговорчивый, видимо от дорожных волнений вдруг встрепенулся и заорал:

– Теракт! Террракт!

И где он таких слов нахватался? Наверно, всё-таки вредно телевизор попугаям смотреть.

Охранники напряглись, а тот первый даже схватился за оружие.

– Ой, Лиза! Костик! А я на вокзале бегая, ищу! Как же мы разошлись-то?

К нам быстрым решительным шагом приблизилась тётя Катя.

– Ну, Машка, тебя и не узнать. Как же ты выросла!

– Екатерина Антоновна, вы знаете этих людей? – спросил один из охранников.

– Да, да, Серёжа. Это – сестра Вадима Андреевича с мужем и дочерью. Маша будет жить у нас, я предупреждала Кольченко.

– Точно так, – кивнул охранник, – Елизавета Андреевна, Константин Николаевич, добро пожаловать. Вещи оставьте – ребята их отнесут. Маша, приятно познакомиться. Меня зовут Сергей Петрович.

– Здрасьте, – сказала я.

– А как зовут нашего возмутителя спокойствия?

– Флёрка. Он, вообще-то, тихий. Прямо не знаю, что на него нашло.

– Это, чтобы его заметили. Что же, Флёрка, ты своего добился. Теперь мы тебя уже ни с кем не перепутаем.

Флёрка пристыжено притих, а Сергей Петрович повернулся к папе с мамой и сказал:

– Ну, вы располагайтесь, всего вам доброго.

Двое охранников легко подхватили наши шмотки и направились к входу в здание. Папа, явно радуясь благополучному разрешению ситуации, сразу оживился и сказал:

– Девочки, наверно, вы тут сами пока разберётесь, а я ненадолго в министерство. Надо кое-какие вопросы сразу решить. К вечеру буду. Вадьке привет!

После этих слов, папа крутанулся на пятках и испарился.

– Ну вот, убежал, – огорчилась мама, – можно подумать, что его «вопросики» до завтра потерпеть не могли. Это же просто невежливо.

– Да брось! Не впечатляйся. Сейчас спокойно разберёмся с вещами, примете ванну, придёте в себя. А Костик вечером прибежит взмыленный из своего министерства, наверняка, в горячке половину своих «вопросиков» основательно перепутав. И кому, спрашивается, будет лучше? Но мужчины таких простых вещей не понимают. Поэтому я всегда и говорю, что мужчина – это диагноз.

– А, кстати, где Вадим? Почему он не смог нас встретить? – спросила мама, когда мы шли по просторному светлому и совершенно безлюдному коридору.

– Сейчас вы сможете на него посмотреть, – сказала тётя Катя.

– Сможем посмотреть? Ой! А что с ним? Он болен? – испугалась мама.

– Ага. По жизни. – Небрежно отмахнулась тётя Катя. – Говорю же: мужчина – это уже диагноз, и другого не надо! Пошли. Вот это наш главный зал. Там вы Вадима и найдёте. Надеюсь, он ещё свободен, и вы сможете поговорить. А я на минуточку вас оставлю. Насчёт вещей распоряжусь.

Мы с мамой не без трепета вошли. Поначалу огромный зал показался мне безлюдным, как и коридор. В центре зала возвышалось какое-то сооружение в виде колонны, или, точнее, низкой толстой башни из полупрозрачного очень толстого стекла. Внутри загадочного сооружения вели несколько арок. Мы осторожно подошли к странной конструкции и решились заглянуть в одну из арок.

Я едва не вскрикнула от ужаса – рядом со мной, уставившись пустыми глазами в огромный аквариум, в центре «башни», в кресле странной конструкции, сидел незнакомый мёртвый человек. Наверно, ужас отразился у меня на лице, потому что мама схватила меня за руку.

– Тихо, – прошептала она, – не бойся. Он живой. Видишь – дышит.

Незнакомец, и правда, дышал, но всё-таки с ним было что-то не так. Похоже, что он был всё-таки, наверно, не очень живой или спал с открытыми глазами, а, может, был кем-то загипнотизирован. Мне стало совсем страшно, и я попятилась прочь, утягивая за руку и маму. Мы обошли башню и заглянули в другую арку с противоположной стороны башни. Здесь в таком же кресле сидел дядя Вадим. Мама окликнула его, но он даже не обернулся в нашу сторону, только что-то невнятно пробормотал, продолжая, не отрываясь, смотреть в аквариум.

Я тоже заглянула туда. С моей точки зрения, там не было ничего достойного внимания, напротив, в аквариуме, который уходил, кажется, на глубину нескольких этажей, копошилось нечто крайне неприглядное.

Когда я была маленькая, то меня часто отправляли к бабушкиной сестре в деревню. Мне там нравилось. Там было весело и интересно. Мы с друзьями купались в озере, бегали в рощу за земляникой, собирали васильки в поле. Но было одно место, которое перечёркивало все летние радости. У самого туалета в огромном одичавшем саду торчал трухлявый липовый пенёк, на котором жили отвратительные клопы-пожарники. Пеньёк прямо-таки шевелился от них. До сих пор, когда я вспоминаю этих жутких тварей, меня передёргивает.

И вот теперь представьте себе, что в аквариуме стояли на задних лапах два таких красно-чёрных клопа, причём каждый из них был высотой почти в метр. Вдруг один из клопов задрал голову, приветливо помахал нам лапой и проскрипел:

– Лизанька, Машка, как я рад вас видеть! Катя вам поможет устроиться, а я приду, как только освобожусь.

Осчастливил!

Мы с мамой наперегонки бросились из страшного места. Мама ещё и зажимала рукой рот, словно опасаясь, что ее сейчас вырвет.

У самого выхода из зала мы едва не сбили с ног тётю Катю.

– Что случилось? – испугано спросила она, глядя на наши перекошенные лица.

– Ой, Катенька, Вадим и впрямь совсем плох. Когда это началось? Почему ты мне не позвонила? – спросила мама, едва не плача.

– Лиза, ты что?

– Ой, с Вадькой что-то совсем ужасное происходит. Он нас даже не узнал! А ещё там клопы разговаривают! – простонала мама.

– И ещё обещают, что придут, как только смогут! – добавила я, трясаясь от страха.

Тётя Катя, глянула за наши с мамой спины и сказала:

– Понятно. Уже начали. Не волнуйтесь, ничего страшного. Просто Вадька, когда работает, он совсем отключается.

– Работает?! – ужаснулась мама.

– Ну, да.

– А клопы? – спросила я.

– Это тоже его работа.

– Ты хочешь сказать, что эти отвратительные существа связаны с работой Вадима? Это же просто какой-то кошмар! – простонала мама, опираясь рукой на стену, чтобы не упасть.

– Так, ясно, – сказала тётя Катя и, подхватив нас с мамой под руки, потащила из зала, – это моя вина: я совершенно забыла, как это действует на неподготовленных людей. Давайте-ка спокойно поговорим.

– Что, прямо здесь? – испугалась я.

А вдруг эти клопы вылезут прямо сейчас? Ведь я точно слышала, что один из них русским языком пообещал к нам прийти.

– Да нет, Машенька, пойдём в комнату, где ты будешь жить. Заодно и осмотритесь.

Я вздохнула с облегчением: даже если гадкие клопы вылезут, можно будет хотя бы спрятаться от них, закрыв дверь.

Мы снова пошли по пустынному коридору. Навстречу нам с весёлым приветливым лаем выскочил рыжий пёс.

– Гусарик! – обрадовалась я и подумала, что с ним мне не страшны никакие дрессированные говорящие клопы.

Тётя Катя широким шагом шла по необъятному коридору и кивала на двери:

– Это наша столовая... кабинет Вадима... спальня. А вот в этой комнате будет жить Маша. Ну и вы с Костиком до отъезда. Ничего?

– Не просто ничего, а ничего себе, – пробормотала мама, – Катька, я даже не предполагала, что у вас такие апартаменты.

– Да понимаешь, Лиза, – сказала тётя Катя, открывая дверь и приглашая нас войти в квадратную светлую комнату, – специфика Вадьиной работы предполагает, что он должен жить в непосредственной близости от рабочего места.

Комната была очень даже премиленькая. У меня в жизни не было таких покоев, но обещание противной твари навестить нас при первой же возможности, подпортило все мои восторги. И дверь никак не запирается... Ну, сегодня я буду ночевать не одна, но ведь завтра вечером папа и мама улетят!

Конечно, в двенадцать лет стыдно бояться каких-то там клопов, но они такие огромные, да ещё говорящие...

У меня по спине побежали мурашки.

– Садитесь, девочки, – предложила тётя Катя, сама, усаживаясь на диван, – а я сейчас попробую вам всё объяснить.

Она помолчала минуту, словно собираясь с мыслями, потом вздохнула.

– Конечно, Вадька сам должен был всё рассказать. Но он, видите ли, занят. А разговор должен быть непростой.

Она опять вздохнула, не зная с чего начать, тогда мама сказала.

– Катя, давай сделаем так: я буду задавать вопросы, а ты на них отвечать. Может быть, так будет лучше.

Но первый вопрос задала я.

– Тётя Катя, а клопы, правда, могут вылезти из аквариума и заползти в комнаты?

– Маша, это не клопы, а клоны. Понимаешь, все мы – миротворцы, и заняты очень серьёзным и важным делом.

– Я даже не представляла, что «Голубые каски» используют в своей работе таких отвратительных мутантов, – сердито сказала мама, – знаешь, в этом есть что-то нечистоплотное. Мне очень неприятно, что Вадим ввязался в такое дело. Жаль, что воспитывать его уже поздно.

– Причём тут «Голубые каски»? – не поняла тётя Катя.

– Ты же сама сказала, что вы – миротворцы. Я так поняла, что ради благих целей вы готовы использовать биологическое оружие. А как же все международные конвенции? Или для достижения высоких миротворческих целей все средства хороши? Катя, прости, но если бы я знала, чем вы тут занимаетесь, ни за что не попросила бы вас приютить Машку. Она ещё в том возрасте, когда плохое и хорошее может впитываться с одинаковой скоростью. А ваши дела, пусть и направленные на благое дело, отвратительны. Короче, извини за беспокойство, рада была вас с Вадькой повидать, но мы уезжаем.

– Мама, а как же твоя экспедиция? – спросила я робко.

– Я понимаю, что сильно подвожу людей, но сейчас мы с тобой поедem в министерство, и я откажусь от участия в экспедиции.

Я замерла с открытым ртом. Конечно, мне совершенно не хотелось оставаться здесь. Но такие жертвы... Но мама, как часто говорит про неё папа, у нас «заводная», и уж если заведётся...

– Ну, может быть, – добавила мама, чуть помолчав, – сумею договориться, что приеду позже, а пока постараюсь пристроить тебя где-нибудь. Может быть, у Алевтины Андреевны. Или у тётки Зины. Там посмотрим. Собирайся.

Тётя Катя вышла, наконец, из ступора и решилась заговорить.

– Лиза, у тебя всё-таки удивительная способность, не разобравшись в ситуации, не выслушав толком собеседника и опираясь только на собственные нездоровые фантазии, нагородить такого, что уши вянут.

– Ах, уши вянут! Какие мы деликатные-благородные! Так вот, мне глубоко отвратительно то, чем вы с Вадькой тут занимаетесь. К сожалению, с вами я ничего поделывать не смогу, но уж Машку я здесь точно не оставлю!

– Да выслушай же ты меня, наконец, истеричка!

– Ах, я истеричка?! А как же тебя, дорогуша, назвать? Фашисткой?

Мама и тётя Катя стояли друг против друга злые, покрасневшие. Я так не люблю, когда взрослые ругаются. Особенно когда ругаются не чужие люди. Гусар тоже разделял мои чувства и даже начал тихонько подвывать. Мне тоже захотелось повить вместе с ним. Нет, я, конечно, всем сердцем была на маминой стороне. Я понимала, что мама права, но как мне хотелось, чтобы тётя Катя всё как-то сумела бы объяснить, и мы бы поняли, что всё не так плохо. И клопы оказались бы не настоящими, а какими-нибудь виртуальными. Но тётя Катя ничего разъяснить не успела, потому что мама схватила меня за руку, в свободную руку подхватила один из чемоданов и двинулась к двери, не желая больше ничего слушать. Тут раздался странный шелестящий голос, не поймёшь даже мужской или женский.

– Катя, даю тебе пять минут. Не повторяй ошибок.

– А вот в этой комнате будет жить Маша. Ну и вы с Костиком до отъезда. Ничего? Вот Машенькина кровать, а вы с Костиком пока поспите на диване. Он раскладывается. Присаживайтесь. Я немного расскажу про нашу с Вадимом работу.

– Вы что и живёте и работаете тут? – спросила мама, усаживаясь на диван рядом с тётей Катей.

– Да. Специфика. В любой момент может возникнуть тревога, и мы заступаем на дежурства. Ну, я сама редко принимаю участие в операциях, предпочитаю оставаться простым врачом в команде, а ребятам достаётся по полной программе.

– Они ещё и кусаются? – спросила мама с лёгкой гримасой отвращения на красивом лице.

– Кто? – не поняла тётя Катя.

– Ну, эти ваши гигантские тараканы.

– Какие тараканы? А эти. Лизанька, это не тараканы. Это – клоны.

– И зачем вы эту пакость клонируете? Для опытов?

– Нет. Не так. Лизок, пожалуйста, постарайся меня не перебивать. Разговор очень сложный, если мы будем отвлекаться, то вы с Машей не сумеете ничего понять.

– Ты хочешь сказать, что мы с Машей такие глупые? – обиделась мама.

– Нет, нет, конечно! Просто это всё настолько невероятно, что я сама до конца толком не привыкла. То есть умом понимаю, но до конца воспринять происходящее не могу. Да и Вадька долго в ситуацию врал. Ну вот, постарайтесь уяснить самое главное – наш мир не единственный.

– Что? – переспросила мама, и гримаска на её лице стала ещё более явной.

– Да, – сказала тётя Катя решительно, – наш мир не единственный. Существует великое множество миров...

Но тут мама решительно перебила:

– Ну, знаешь, Катерина, если бы ты была лет на двадцать пять моложе, я предположила бы, что ты обчиталась фантастикой до полного недоразумения. Или у тебя от компьютера мозги вконец завиртуализировались. Но в твоём возрасте – это уже не похоже на временное помешательство. Это, как там у вас, у врачей, принято говорить, диагноз окончательный. Ты меня извини, но мне просто страшно оставлять здесь ребёнка. Уже давно доказано, что компьютерная зависимость ничуть не лучше алкогольной или наркотической.

Мама схватила меня за руку, в свободную руку подхватила один из чемоданов и двинулась к двери, не желая больше ничего слушать...

Тут раздался странный шелестящий голос, не поймёшь даже мужской или женский.

– Катя, даю тебе пять минут. Не повторяй ошибок.

– А вот в этой комнате будет жить Маша. Ну и вы с Костиком до отъезда. Ничего? Вот Машенькина кровать, а вы с Костиком пока поспите на диване. Он раскладывается. Присаживайтесь. Я немного расскажу про нашу с Вадимом работу.

– Вы что и живёте и работаете тут? – спросила мама, усаживаясь на диван рядом с тётей Катей.

– Да, так получилось. Потом объясню. Девочки, а не выпить ли нам чаю с дороги?

– Может быть, сначала разобраться с вашими говорящими клопами? – сказала мама с сомнением.

– Да плюнь ты на них. Не забивай голову ерундой.

– А они сюда не залезут? – спросила я.

– Исключено, Машенька. Их, вообще, считай, нет. Забудь. А вот чаем я вас напою замечательным. Лиза, ты Юрку помнишь, ну, моего двоюродного брата? Я тебе рассказывала, что он женился на родовой японке.

– Да, что-то припоминаю, – кивнула мама, – а причём здесь это?

– Они меня не так давно приглашали на годовщину свадьбы. Японцы родственным связям придают очень большое значение. Ну, так вот, там меня посвятили в настоящую чайную церемонию и даже подарили специальный «женский подарок» – набор для чая. Так что пойдёмте в столовую, я вас таким чаем угощу – вы такого никогда не пробовали и не видели. Всю усталость, все неприятности как рукой снимет. словно родитесь заново. Пошли, а уж потом будем о делах говорить, вещи разбирать, обустраиваться.

В столовой тётя Катя в первую очередь широко распахнула окна, и утренний ещё свежий воздух заполнил всё помещение.

Тётя Катя заставила нас с мамой умыться холодной водой. Потом усадила за стол и поставила перед нами удивительные японские чашечки, лёгкие и изящные, как лепестки.

– Посмотрите, – сказала она, – на дне чашечки нарисована веточка цветущей сакуры. Обратите внимание, от горячего чая рисунок станет намного ярче. Из такого произведения искусства чай пить – особое удовольствие. А теперь самое главное.

Она сняла с полки небольшую узкую книжечку, раскрыла наугад и протянула мне.

– Машенька, я знаю их наизусть, а ты читай про себя. Это японские хокку. Здесь они несложные. Увидишь, как от них хорошо на душе становится.

«Ливень весенний —
Как же преобразился мир!

Как стал прекрасен!»¹

Стихотворение было непонятным, непохожим на стихотворение, но мне понравилось.
– А теперь это, – предложила тётя Катя.

«Вешнее марево.
Слива роняет свой цвет
На серый камень...»²

– Здорово, – сказала я.
– Я рада, что тебе понравилось. А вот это – моё любимое. Прочитай вслух для нас с мамой.

Я прочитала и невольно улыбнулась:

«Лист опавший поймал
И лапкой прижал осторожно
Смешной котёнок...»³

– Ну вот, теперь можно и чаю выпить, – сказала тётя Катя. Я даже не могу сказать, вкусный был этот чай или нет, но от этого чаепития как-то легко стало на душе, и вновь вернулась радость, которая переполняла меня, пока мы ехали по утренней солнечной Москве. И я поняла, что всё будет просто замечательно и у меня, и у мамы с папой, и у тёти Кати. И у всех на свете. Даже говорящие клопы меня сейчас совершенно не раздражали.

И вот, когда мы наслаждались тихой радостью после удивительного чая, Гусар, лежавший у порога, вдруг вскочил и радостно залаял, завиляв хвостом и повизгивая от возбуждения. Дверь широко распахнулась, и в столовую вошёл дядя Вадим. Он уже был вполне живой, но выглядел ужасно: серые ввалившиеся щёки, покрасневшие, тусклые от усталости глаза.

Тётя Катя поднялась из-за стола и подошла к нему.

– Уже всё?

– Да. Сегодня серые нас забили почти сразу. Катюша, сделай мне, пожалуйста, кофейку покрепче.

– Может быть, тебе лучше прилечь?

– Потом. Ты уже ввела девочек в курс дела?

Тут глаза тёти Кати недобро сузились.

– Нет, дорогой мой. Полагаю, что это надо будет сделать тебе самому. Я этого не смогла даже с помощью Минутыча.

– Ну, что же. Самому, так самому. Но только после кофе.

– Так что у вас тут всё-таки происходит? – спросила мама.

– Лизок, у меня от усталости язык не работает. Сейчас кофейку попью – и всё постараюсь объяснить.

– Давай, а я пока схожу, проверю, как дела у Ивана, как бы опять давление не подпрыгнуло, – сказала тётя Катя и вышла.

А мы с мамой терпеливо сидели и ждали, пока дядя Вадим выпьет свой кофе. А он, как нарочно, пил не спеша, прикрыв глаза и смакуя каждый глоток. Наконец чашка опустела.

¹ Тиё-ни. Сб. Одинокий Сверчок. М.: «Дет. лит.», 1987.

² Сюоси. Сб. Одинокий Сверчок. М.: «Дет. лит.», 1987.

³ Исса. Там же.

Дядя Вадим заглянул в неё, чтобы убедиться в этом, потом встал, потянулся с хрустом, и, снова усевшись за стол, сказал:

– Что же, теперь я готов всё объяснить, но, пожалуйста, Лиза, давай договоримся, пока я не закончу свой рассказ, не перебивай меня и не задавай никаких вопросов, какие бы странные вещи я не говорил. Когда я закончу, можешь меня хоть на кусочки разрезать, удовлетворя своё любопытство. Но до этого – ни слова. Ты готова?

– Но ты хотя бы в двух словах можешь объяснить, что всё это значит? – спросила мама.

– В двух словах не получится, – ответил дядя Вадим, – то, о чём я хочу рассказать, слишком невероятно и сложно. Так что, пожалуйста, наберись терпения. Обещаю, что потом отвечу на любые твои и Машины вопросы.

– Но..., – возмутилась мама.

А бестелесный голос прошепел:

– Может её обездвижить на пять минут?

– Ни в коем случае, Минутыч. Не забывай, пожалуйста, что это моя сестра.

– Ну, смотри. Хозяин – барин.

– Вадим! – возмутилась мама. – С кем ты разговариваешь?

Я теперь поняла, что было странного в этом голосе. Он произносил все слова совсем без ударения. А ещё было непонятно, с какой стороны он звучит. Но самое главное – в столовой кроме нас никого не было!

Дядя Вадим встал, взял себе чашку, вылил в неё остатки японского чая и спокойно ответил:

– Я ещё не начал свой рассказ, поэтому принимаю твой вопрос. И даже сразу отвечу на него. Лиза, Маша, позвольте вам представить – Время. По старой дружбе оно позволяет нам называть его Минутычем, но это совсем не значит, что с ним можно фамильярничать.

– Ну, знаешь! – возмутилась мама.

А дядя Вадим сказал строго:

– Всё, Лизанька. Теперь помолчи.

Мама плотно сжала губы, скрестила руки на груди и отвернулась к окну, давая понять, что больше участвовать в этом безобразии не намерена. А я почему-то поверила дяде Вадиму. Ведь время реально существует, значит, оно может...

Нет, ерунда какая-то получается.

– Ну, вот и славненько, милые девочки. Теперь наберитесь терпения и выслушайте мой рассказ. Так вот, прежде всего постарайтесь поверить, что наш мир не единственный. Миров существует великое множество. Я даже не знаю сколько. При этом наш мир занимает некое срединное положение и по уровню цивилизации и по своему месторасположению. Хотя невозможно представить, какая может быть география в межмирье... Но как бы то ни было, именно из-за особого положения нашего мира межмировые миротворцы давно хотели включить людей в свою работу. Да, надо сказать, что «миротворцы» – термин неправильный. Никто из нас не создаёт, не творит новые миры. Скорее, мы пытаемся немножко подправить ситуацию в уже существующих мирах, подремонтировать их, так сказать. Но «миропоправлятели» или «мироремонтники» как-то совсем на язык не ложится. Поэтому мы предпочитаем называть себя «миротворцами». На языке ангелов это звучит примерно как «эолелолло», а на языке сатиров как «вжбыхр». Сатиры и ангелы очень опытные миротворцы и наши наставники и учителя. Они на протяжении не одной сотни лет неоднократно приходили к людям, но взаимопонимания не добились. Мы, люди, вообще, как выяснилось, не очень умеем слушать. Не хочу обидеть никого из присутствующих, тем более что это неумение слушать других – общечеловеческая проблема. А ещё сложность состояла в том, что наш мир, в отличие от многих других, окружён плотной оболочкой, и людям никогда

не приходилось видеть иные миры, а поверить на слово в их существование человечество ещё не было готово.

Первой удачей миротворцев было обнаружение окна в скорлупе нашего мира. Это окно было обнаружено в Москве, на Дорогомиловской улице на высоте восемнадцати с половиной метров над землёй. А вскоре последовала и вторая удача: в этом нужном месте оказался нужный человек.

Фёдор Павлович Овалов родился в 1919 году в Ленинграде. Отец его был инженером-путейцем, мать – швеёй. Фёдор решил пойти по стопам отца и стать инженером. На студенческом празднике, посвящённом встрече 1940 года, он впервые увидел свою будущую жену Валю Коркину. 22 июня сорок первого года у них родился сын, а 24 июня Фёдор ушёл на войну. Валя и маленький Жека умерли зимой сорок первого в блокадном Ленинграде, и Фёдор решил, что и ему незачем больше жить. После этого он бросался в самое пекло. Единственно, к чему он стремился, – убить как можно больше фашистов, ставших причиной смерти его близких. Удивительно, но при этом он не получил на войне ни одного серьёзного ранения, словно судьба оберегала его для того, что бы он смог выполнить главную миссию своей жизни. Возможно, так оно и было. Я даже почти уверен в этом.

Вернувшись с войны кавалером трёх орденов Славы, Фёдор Павлович решил закончить учёбу в институте. Правда теперь это был московский институт – вернуться в Ленинград он не смог. После окончания института Овалов начал строить мосты, и стал Героем Труда. Как герою войны и труда ему предложили роскошную квартиру в «сталинском» доме на Дорогомиловке. В том самом доме, на пятом этаже которого было «окно» в межмирье. Вот с этого и начинается наша история миротворцев.

Как-то раз к Овалову пришёл сосед Сергей Степанович. Был он страшно напуган.

Этот человек также, как и Фёдор Павлович, потерял во время войны всех близких. С тех пор он стал всё чаще и чаще выпивать.

– Федя, а я сейчас видел зелёного чёрта, – взволновано крикнул он прямо от порога, – видел, вот как прям тебя сейчас вижу.

– Степаныч, завязывал бы ты с этим делом. Видишь, уже и черти зелёные являться стали.

– Да ты что, Федя, да разве ж я... Да я так, только самую малость. Можно сказать, и не пил почти, только понюхал, – неуверенно возразил сосед, испугано озираясь.

– Видно не то ты, Степаныч, нюхал. Смотри, тут и до белой горячки недалеко.

Через два дня сосед пришёл снова. Был он абсолютно трезв, но перепуган до дрожи.

– Слышь, Федька, а у меня и впрямь горячка. Веришь, два дня ни капли, а чёрт опять явился. И лопочет что-то. Я прям и домой идти боюсь, – он длинно и прерывисто всхлипнул и обессилено привалился к дверному косяку.

Фёдор Павлович понял, что с соседом и впрямь неладно. Оставлять его одного в таком состоянии он не решился.

– Ну ладно, давай-ка я тебе на диване в кабинете постелю. Выпись как следует, а утром мы с твоими чертями разберёмся.

Но и наутро сосед побоялся идти один к себе в квартиру, и Фёдор Павлович пошёл с ним. Увиденное его потрясло: на кухонном столе, устроившись на буханке чёрного хлеба, как на парковой скамейке, сидел маленький зелёный человечек. Впрочем, человечком его можно было назвать с большой натяжкой, потому как ниже пояса его тельце было покрыто кучерявой черной шерстью, а ноги больше напоминали козлиные. Не без содрогания Овалов заметил хвост с кисточкой на конце и маленькие рожки, выглядывающие из густых чёрных кудрей. Странное существо, увидев Овалова, пришло в страшное возбуждение и завопило громким пронзительным голосом:

– Наконец-то! Меня зовут Рыбсель. Мы давно пытаемся связаться с тобой, Фёдор.

Фёдор Павлович никогда не увлекался горячительными напитками, и ему было совершенно непонятно, почему зелёный чёрт проявляет к нему такой интерес. Он внимательно взглянул на соседа – не розыгрыш ли всё это. Но тот едва стоял на ногах бледный до синевы и с трясущимися губами. Уж очень он правдоподобно боялся. Вряд ли у Сергея Степановича неожиданно прорезался актёрский талант, но что тогда всё это значит?

– Кто вы такой, и почему вам нужен именно я? – строго спросил Овалов, хотя, как потом он сам признавался, ему было в тот момент очень не по себе.

– Да потому, что в настоящее время из всех обитателей вашего мира нам можешь помочь только ты! – ответило удивительное существо.

– Но почему?

– Да потому, что только ты сможешь построить выход в другие миры.

– Куда?

Рыбсель под аккомпанемент жалобных всхлипываний забившегося под стол Степаныча рассказал Овалову о разных мирах и о миротворцах. И, что удивительно, как впоследствии говорил сам Фёдор Павлович, он, человек весьма рациональный и реалистичный, сразу поверил Рыбселю. Более того, сразу принял решение во всём помогать миротворцам.

Так произошла первая встреча Овалова с представителем одной из самых древних и развитых цивилизаций в межмирье – сатиром.

Но необходимо было не только помогать миротворцам межмирья, но и создать самостоятельную группу на земле. Овалов понимал, что один в поле не воин, и почти пятьдесят лет – а судьба даровала ему долгую жизнь – потратил на поиски людей, способных стать миротворцами.

Первым он нашёл Ивана. Иван в ту пору учился на физмате МГУ и слыл среди сокурсников и преподавателей безумным гением. Вместе с Иваном на месте «окна» в оболочке нашего мира они построили «врез», через который можно было беспрепятственно выходить в другие миры и возвращаться обратно.

Следующим членом команды стал Геннадий. Я, к сожалению, не знал его лично, но ребята рассказывали, что это был замечательный человек – боксёр-тяжеловес и при этом поэт. Лиза, если хочешь, я тебе дам почитать его стихи. По-моему они восхитительны.

Потом они нашли талантливую девчонку-хакера по имени Лена. Она в ту пору ничем другим и не занималась на горе своим приёмным родителям. Из-за своего увлечения вступила в конфликт с законом и была без сожаления отправлена опекунами в интернат для трудных подростков.

Вчетвером они уже смело выходили в иные миры под руководством ангелов или сатиров, а иногда и самостоятельно. Но однажды случилось несчастье, и во время одной из операций Геннадий погиб. Тогда Фёдору Павловичу пришла в голову гениальная идея – посылать на опасные операции клоны участников миротворческой команды. И Лена разыскала меня.

До этого, ты знаешь, Лиза, я работал над созданием генетического банка.

– Какого банка? – не выдержала я и тут же испуганно закрыла себе рот обеими руками.

Дядя Вадим же не разрешил его перебивать. Сейчас он рассердится и больше ничего не расскажет.

Но дядя Вадим не рассердился на меня и принялся разъяснять.

– Понимаешь, Машенька, каждый человек уникален. И второго такого не может быть. Но ведь человек может попасть в аварию и потерять, к примеру, руку. Или в результате болезни лишиться лёгких или почки. Можно пересадить ему чужую донорскую почку. И такие операции делались, и делались успешно. Но вот беда, чужой орган почти сразу начинал отторгаться.

Для того чтобы этого не происходило, человеку для конца дней приходилось принимать специальные лекарства, подавляющие его иммунитет. Бедняга мог погибнуть от малейшей простуды или пустяковой царапины, если в нее попадали микробы. Много лет люди пытались преодолеть барьер несовместимости, но он оказался непреодолимым. И тогда было решено попытаться не примирить организм с чужим органом, а иметь возможность вырастить собственный родной орган.

– А разве это возможно? – ахнула я.

– Да возможно, возможно, – небрежно махнула рукой мама, – и теперь это делается почти повсеместно. Помнишь, у тебя в поликлинике брали соскоб с внутренней стороны щеки. И теперь в генетическом банке Екатеринбурга есть и твой материал. И из него можно вырастить хоть почку, хоть руку, хоть сердце. А твой дядя стоял у истоков этой работы. Вот только непонятно, зачем он променял это важное и полезное дело на какую-то маловнятную авантюру.

– Мне стало скучно. Понимаешь, Лизанька, там уже не могло быть ничего нового. Оставалось только тупо нарабатывать материал и растить из него руки-ноги-почки-сердца-печёнки-селезёнки. А у миротворцев каждый день что-то новенькое. Да какое! Лиза, Машенька, вы даже представить себе не можете, как тут интересно работать. Трудно до безумия, но невероятно интересно. И народ у нас замечательный. К сожалению, Фёдора Павловича уже нет в живых. Он скончался в прошлом году. Умер прямо у вреза, а его клон остался в мире гуардов, на которых напали космические агрессоры. В девяносто восемь лет слишком тяжело сражаться на такой войне. И сердце первого земного миротворца просто не выдержало.

Но созданная им команда просто замечательна.

– Хорошо, но причём тут клопы? – спросила мама.

– Опять ты про это! Лиза, ну пойми же, это не клопы вовсе, а клоны. Клоны, модифицированные в соответствии с параметрами обитателей мира Жлавт-001.

– Знаешь, Вадька, я уже была почти готова поверить во весь этот бред. Но ты перегибаешь палку. Я не биолог, но всё-таки совершенно точно знаю, что такие клоны создать невозможно. Клон кошки будет мяукать, а не кудахтать. Клону человека даже в страшных снах не стать рыбой или тараканом.

– А вот это мой самый большой секрет.

– Секрет?

– Нет, Лизка, я не так выразился. Просто это совершенно непередаваемо по нашим человеческим представлениям.

– Что ты хочешь сказать?

– Когда мы познакомились с другими мирами, мы узнали много такого, что даже не могли догадываться. Ну вот, к примеру, ангелы научили нас общаться со временем. Согласись, это воистину драгоценное знание. Минутыч и все его семнадцать разнонаправленных, но параллельных собратьев тоже миротворцы.

– Как это семнадцать параллельных и при этом разнонаправленных? – спросила мама, нахмурившись.

– Лизок, этого я и сам не знаю, – отмахнулся дядя Вадим, – этот вопрос можешь задать Ивану Дмитриевичу. Он у нас гениальный физик, а я, знаешь, обыкновенный генетик. Мне всех этих сложностей не понять. Но самое главное это то, что без помощи нашего замечательного Минутыча работать клонам было бы практически невозможно. Самый острый и опасный момент – это появление клонов в чужом мире и адаптация в нём. Так вот, Минутыч специально для этой адаптации создаёт «временные карманы», в которых время течёт по-другому, а иногда и вовсе застывает. Так что Минутыч у нас, можно сказать, главный миротворец – ни одну операцию без него не проводим.

– Наконец-то ты сказал хоть что-то умное, – прошелестел уже знакомый голос.

– Да, Минутыч, я считаю, что без тебя наша работа была бы просто невозможна, и всегда говорю, что это просто чудо, что мы сумели найти с тобой общий язык, но сейчас мне хотелось бы продолжить мой рассказ.

– Да, уважаемый Минутыч, мне всё-таки очень хочется выяснить, причём тут эти клопы, а Вадим готов найти любой предлог и даже заняться чревовещанием, только чтобы уйти от ответа, – сказала мама насмешливо.

Видно было, что ни в говорящее время, ни в разные миры, ни в модификацию клонов она ни капельки не верит.

– Лизанька, никакого чревовещания. Это и впрямь говорит время. Оно действительно может говорить, только увидеть его нельзя. А про модификацию я рад был бы тебе всё без утайки растолковать, но просто не знаю, как это сделать. Модификации научили меня сатиры, величайшие во всём межмирье мистификаторы. Понимаешь, клон он должен внутренне быть таким, как его матрица, а внешне ему лучше соответствовать тому миру, где он должен работать. А как я это делаю... Как бы это объяснить-то? Помнишь, когда мы с тобой были маленькими, нас водили к лучшему в городе логопеду?

– Помню, – усмехнулась мама, – важная такая дама была. Помню, мне она любила говорить так: «Для произнесения этого звука необходимо поднять нёбную занавеску, а корень языка расслабить».

– Вот, вот. Мне она тоже вещала что-то подобное. Я от этих занятий чуть совсем говорить не разучился. Я уподобился сороконожке, которую спросили, с какой ноги она начинает ходить. Так и теперь: модифицировать клон могу, а как это я делаю – сам не понимаю.

– Ты меня прости, но во всё это очень трудно поверить.

– Невероятно трудно. Я, наверно, и сам не поверил бы. Я понимаю, что сейчас, пытаюсь объяснить необъяснимое, я предстаю перед тобой ненормальным, но выхода просто нет. Постарайся представить, что тебе пришлось бы объяснять древнему мудрецу, изобретшему колесо, мудрецу, который был много умнее нас с тобой, устройство автомобиля. Или рассказывать Пифагору, как устроен мобильный телефон. И это притом, что ты, наверняка, сама представляешь это только в общих чертах.

– Вадька, по-моему, ты всё-таки говоришь какую-то ерунду. Даже не знаю, что сказать на это.

– Ну и не говори ничего. Сколько я тебя, Лизок, помню, драгоценные минуты твоего молчания были не слишком часты. Может оттого они так дороги моему сердцу.

Тут я всерьёз обиделась за маму.

– Зачем ты так, дядя Вадим? Ты же не знаешь мою маму. Она самая-самая лучшая!

Дядя Вадим смешался.

– Ну, Машенька, не сердись. Я очень люблю твою маму. Она самая лучшая сестра во всём мире, и я не на секундочку не захотел бы, чтобы она была другой. И она это сама прекрасно знает.

– Да уж, конечно, знаю. Поверь, Машка, мой драгоценный братец тоже не подарок, но я его ни на кого бы не променяла, ни за какие коврижки.

– Ну, вот и замечательно, – с облегчением подытожила тётя Катя, которая уже успела вернуться. А теперь, девочки, давайте отпустим Вадима немного отдохнуть после дежурства, а сами разберём вещи, чтобы управиться с этим до обеда.

* * *

За обедом я познакомилась с остальными миротворцами. Человека, которого я приняла за покойника, звали Иван Дмитриевич. Он самый настоящий гениальный физик. Да уж, не

зря его ещё во студенчестве называли «безумным гением» За всё время обеда он не сказал ни одного простого слова, даже солонку он попросил не передать, а телепортировать в его сторону. И вообще, он похож на инопланетянина: бледное почти безгубое лицо с провалившимися щеками и глубоко посаженными глазами, неестественно длинные пальцы с утолщёнными суставами, и какая-то отрешённость от всего земного, выражаемая не только в затуманенности взора, но и, как я скоро узнала, в неумении вписываться в дверные проёмы.

Девочка-хакер Лена выросла в совершенно необыкновенную красавицу, без всякой иронии называемой друзьями Еленой Прекрасной. Я прямо глаза вытаращила – да такую красоту только в кино показывать. Я всегда знала, что моя мамочка самая красивая на свете. Но когда я увидела Елену Прекрасную, я даже на минуточку усомнилась в этом. Потом, приглядевшись, вздохнула с облегчением – всё-таки мама самая красивая, но Лена с небольшим отрывом занимает второе место по красоте во всём мире. Кстати, при этом ничуть не воображает. Когда мы знакомились, она предложила мне:

– Знаешь, Маша, зови меня просто Леной, а то мне начинает казаться, что я старая толстая тётка.

– А меня называй просто Лёшей, – сказал её муж, – мне тоже не хочется выглядеть стариком.

Лёша рассказал, что он миротворцем стал не так давно, а до этого был самым обыкновенным офицером десантных войск. Но работа миротворца, по его словам, оказалась в тысячу раз интереснее.

После обеда Лена и Лёша повели нас с мамой на экскурсию.

– Ну, главный зал вы уже видели. А самое главное место в главном зале – это, понятно, врез, – Лена показала нам «аквариум», который сейчас напоминал экран выключенного телевизора.

– Врез это кусочек чужого мира. Точнее, не одного мира, а многих. Правда, они появляются там не одномоментно. Врез не окно, а скорее дверь, или, как любит говорить наш уважаемый Иван Дмитриевич, – портал. Пройдя через шлюзовую камеру во врез, оказываешься в чужом измерении, там тоже открывается портал. При необходимости через эти порталы можно пройти и в наш мир. А ещё через врез можно наблюдать за происходящим в иных мирах и за действиями клонов. Это необходимо особенно в первые часы, потому что клоны поначалу полностью живут мыслями и чувствами своих матриц. Через некоторое время клоны как бы отпочковываются и становятся самостоятельными личностями, сохраняя, впрочем, черты, и не только физические, своих генетических родителей, – подхватил её объяснения Лёша.

– Стенки вокруг вреза создают при необходимости специальную защиту, чтобы в наш мир никто нежелательный не просочился. Там, в межмирье, разные обитают, – сказала Лена.

– А это аварийная шлюзовая камера, – Лёша дотронулся до широкой двери из толстого стекла, – но мы, правда, ей давным-давно уже не пользуемся. С тех пор, как миротворцы стали работать с клонами, основным стал шлюз, который ведёт из клональной. Клональная за той дверью в конце зала. Туда мы не пойдём, там всё стерильное, и Вадим Андреевич больно щёлкнет нас по носу, если мы туда сунемся.

– А это наш самый главный компьютер, – показала Лена.

– За приближение к нему, Леночка любого поколотит, да так, что мало не покажется, – хохотнул Лёша.

– Ничего смешного, – сказала Лена. – Маша, мы тебе всё показываем, но пожалуйста, учти, что всё действительно слишком серьёзно, и никуда сама не суйся. Это может быть смертельно опасно и не только для тебя, но и для всех людей.

– Она не сунется, – мама крепко ухватила меня за руку, – она лучше совсем не будет входить в этот ваш главный зал.

– Это совсем не обязательно, в главном зале мы почти постоянно все толчёмся. Да и невозможно будет устоять перед желанием подглядывать во врез. Я сама здесь уже семь лет, но всё равно всё свободное время у вреза торчу, – сказала Лена.

– Это точно, – согласился Лёша, – к врезу так всех и тянет. Ну, а что вам ещё показать?

– А как он включается? – спросила я.

– Кто?

– Ну, врез.

– Он никак не включается. Он живёт своей жизнью. В случае необходимости, Иван Дмитриевич каким-то образом настраивает врез на нужный мир, но включить даже он не может.

– А в главном компьютере хранится информация обо всех известных в межмирье мирах и их обитателях, – сказала Лена, – могу сейчас вам кого-нибудь из них показать. Только, Машенька, повторяю, к этому компьютеру никогда не подходи. Если захочешь, тебе в комнату принесут комп хоть сегодня. А пока вот, смотрите. Это обитатели Югловариана.

Она включила свой компьютер, и на мониторе появилось нечто совершенно невообразимое. Югловарианцы оказались не людьми, не животными и даже не роботами. Это были просто лучи света. И они были живыми!

Лена, насладившись произведённым на нас с мамой эффектом, нажала следующую кнопку.

– А этот красавчик из мира быхаробов. Каков кавалер!

Трёхглазое пятно мутноватой тёмно-жёлтой жижи мне не понравилось, а мама, попятившись, спросила:

– А эта защита вокруг вреза, она надёжна?

– Стопроцентно, – ответил Лёша.

– А можно увидеть ангелов? – спросила я.

– Да, я думаю, что ты их в самом скором времени живьём увидишь. Они частенько к нам заглядывают, – сказала Лена.

– Правда?! Здорово. А сатиров я увижу?

– Да, эти почти постоянно у нас мотаются. А Рыбсель с Брыксом по-моему вообще в свой мир не уходят. Достали уже, – фыркнула Лена.

– Ах, вот как? Ну, Ленка, держись!

В то же мгновение что-то неуловимое промелькнуло перед нами, и по клавишам главного компьютера запрыгали разноцветные шарики.

– Брыкс, прекрати немедленно! Ты же сейчас мне всю информацию сотрёшь! – взвизгнула Лена.

– Так тебе и надо, зануде, – распевали скачущие шарики.

– Брыкс, предлагаю выкуп, – крикнул Лёша, доставая из кармана шоколадку.

Шарики на мгновение застыли над клавиатурой.

– Гвардейский? – спросил тоненький голосок.

– А как же, – ответил Лёша, – я абы что тебе не предложу.

– Ладно уж, давай твою шоколадку, взяточник.

Шарики быстренько объединились в маленького зелёного чёртика, который, как белка, подскочил к Лёше и выхватил плитку шоколада у него из рук. Через мгновение ни сатира, ни шоколадки в зале уже не было, а в наступившей тишине с тихим звоном упала на пол фольга обёртки.

– А как же защита? – спросила побледневшая мама, держась за сердце.

– Ну, какая защита от сатиров. Они и ангелы, можно сказать, наше непосредственное начальство в деле миротворчества, – сказал Лёша.

– Ой, досада какая. А я думал тоже тебя на шоколадку развести. А ты так сказал уважительно – я аж прослезился, – раздался из-под двери тоненький голосок, и тут же его обладатель развеялся прозрачным зелёным дымком.

– Убежал, – притворно вздохнул Лёша, а я ведь и для Рыбсея шоколадку приготовил.

Он сунул руку в карман и достал ещё одну шоколадку. Точнее, хотел достать, но она мгновенно растаяла в воздухе. Чудеса!

А Лена, успокоившись после хулиганской выходки сатира Брыкса, продолжила:

– А на других этажах у нас расположены вспомогательные службы. Первый этаж занимает охрана. На втором у нас инженеры, оружейники и пиротехники. Третий этаж самый интересный. Там у нас обитают швейники, обувщики, мастера по спецэффектам. Ну, прямо как на настоящей киностудии. Четвёртый и пятый – наши этажи. А на шестом у нас компьютерный зал и технические службы. Это всё, Машенька, ты узнаешь по ходу.

* * *

Когда я только собиралась в Москву, то мечтала, что уговорю тётю Катю отпускать меня на самостоятельные прогулки и буду целыми днями бродить по разным московским улицам. Тётю Катю особенно и уговаривать не пришлось. Ещё в первый день она вручила мне новёхонький смартфон и сказала:

– Все необходимые телефоны я уже вбила. Навигатор настроила. По интернету всегда можешь свериться с картой Москвы и схемой метро. Гуляй по городу сколько хочешь, но смартфон пусть будет постоянно с тобой. Если возникнут какие-то сложности, вызывай на помощь любого из нас, не стесняйся.

Я очень обрадовалась, потому что смартфона у меня никогда ещё не было. Папа с мамой считали, что такую дорогую игрушку покупать мне ещё рано, и у меня был только самый простенький мобильник. А о таком я даже мечтать не смела. Правда, я с ним походила только несколько дней. А потом забросила его и забыла. Не потому, что он мне разонравился, просто у меня совершенно не оставалось времени на прогулки по городу.

– А в четверг мы втроём идём в театр, – сказала тётя Катя, дождавшись, пока я перестала прыгать от радости обладания собственным телефоном.

– В Большой? – спросила я, боясь поверить своему счастью.

– В Большой, – кивнула тётя Катя, – на Щелкунчика.

Здорово!

* * *

Мы с тётей Катей уже были готовы. А дядя Вадим завязывал перед зеркалом галстук, когда вдруг раздался сигнал тревоги. Дядя Вадим так и замер с недозавязанным галстуком в руках.

В комнату вошёл Иван Дмитриевич.

– Вадим, культпоход отменяется, – сказал он, – у шуширов разгорелся серьёзный конфликт. Необходимо наше безотлагательное вмешательство. Галстук необязателен ввиду отсутствия у тамошних обитателей шеи.

– Что за конфликт? – спросил дядя Вадим.

– Из-за цвета солнца.

– Из-за чего?!

– Говорю же, из-за цвета солнца. Жёлтосолнцевые выступили против красносолнцевых. Не исключено, что зелёносолнцевые готовят какой-то неприятный сюрприз, а уж как себя поведут синесолнцевые никто даже и представить не может. Я пошёл готовиться.

– Нет, Иван, ты сегодня в операции участвовать не будешь, – строго сказала тётя Катя. У тебя в прошлый раз давление поднялось. Сегодня Вадим с Лёшей пойдут.

– Эх, обидно. Сто лет на балете не был, – вздохнул дядя Вадим.

– Я тоже не пойду. Машенька, ты не обидишься, если с тобой Лена ходит? – сказала тётя Катя.

– А можно я тоже останусь? – с замиранием сердца спросила я.

– Иди лучше в театр, – сказала тётя Катя, – успеешь ещё насмотреться на разных чудиков из межмирья, а в Большом сезон заканчивается.

* * *

То, что работа миротворцев не сахар, я поняла довольно быстро. Ни выходных, ни отпусков настоящих не было. Сигнал тревоги мог прозвучать в любой момент. Для этого в каждой комнате были установлены специальные зуммеры. По тревожному сигналу каждый из миротворцев занимал своё место и принимался за дело «согласно штатному расписанию», как говорил Иван Дмитриевич. Сам он сразу связывался с Советом миротворцев межмирья, Лена разыскивала в справочном компьютере необходимую информацию о мире, в который предстояло высаживать десант, а дядя Вадим отправлялся в клональную. На создание каждого клона уходило около двух часов, да ещё несколько часов необходимо было для придания клону требуемой формы. Конечно, сам процесс клонирования регулировал специально запрограммированный компьютер, над которым тоже потрудились Лена, но модификацию клонов никакими программами предусмотреть было невозможно. Лена говорила, что весь шестой этаж полностью отдан программистам, которые записывают программы по созданию готовых уже форм, и работы у них хватает, а дядя Вадим делал новые формы в одиночку и без компьютеров.

Мне кажется иногда, что процесс модификации не обходится без какой-то магии. Хотя, кто всерьёз может поверить в такую ерунду в наше просвещённое время. Кстати, работа по модификации клонов тяжёлая, утомительная и долгая. На модифицирование, в зависимости от сложности, уходит в среднем от двух до пяти часов, а иногда и больше. Вот так! Это вам не волшебной палочкой махать!

Но самое трудоёмкое – это дежурства у вреза во время работы миротворческого десанта. Дежурства эти иногда длятся по нескольку дней, а то и недель, и тогда миротворцам приходится дежурить у вреза посменно. Но самые главные и сложные в работе миротворческого десанта первые восемь – десять часов. В такое время, чтобы не мешаться, я старалась не заходить в главный зал, но когда врез бывал свободным, я очень любила бывать здесь. Мне уже совсем не хотелось гулять по городу, и тётя Катя даже сердилась на меня и говорила, что у меня развивается вредная «врезовая зависимость». Но врез был таким интересным, что трудно было от него оторваться. Врез, и вправду, жил какой-то своей особенной жизнью. Иногда он был тёмным и непроницаемым, а иногда перебирал миры, как мы перебираем страницы книг. Мне очень нравилось часами сидеть у вреза и читать учебники в ожидании, пока врез проснётся, а потом заглядывать в чужие миры. Миры эти были удивительны и многообразны. Вот, к примеру, мир живых Камней. Я с детства любила камни. У меня же папа с мамой геологи, и поэтому нас дома во всех комнатах висят специальные витрины с подсветкой, где на стеклянных полочках лежат самые разные камни. Полевой шпат и базальт, яшма и малахит, халькопирит и диабаз. Но камни в наших витринах мёртвые, а в мире Камней они живые. Живые Камни почти неподвижны, и большую часть времени, которое течёт в этом мире неспешно, предаются размышлениям и беседам. И хотя я почти ничего не могла разобрать в низком гудении звуков каменной речи, я всё-таки с удивлением и восхищением наблюдала за живыми Камнями.

А вот грибы – это полная противоположность Камням. Они все страшные воображалы, жадины, постоянно суетятся и вредничают. К счастью, они ещё и глупы как пробки, и все мелкие гадости, которые они вечно устраивают друг другу, не страшные, а, скорее, смешные. Поэтому миротворцы в их отношения никогда не ввязываются, а лишь смотрят как глуповатую, но забавную комедию.

Существа, похожие на огромных десятиногих пауков, показались мне поначалу ужасными, но потом я поняла, что они с удивительной нежностью относятся не только друг к другу, но и ко всем обитателям своего многообразного мира, и прониклась к ним симпатией. Симпатичными мне показались и суетливые, но забавные обитатели мира Корвеца, похожие на взъерошенных крикливых воробьёв, проводящих почти всё время в бескровных, но очень шумных дуэлях по разным поводам, а то и вовсе без повода.

* * *

А ещё мне понравились полканы. Это очень симпатичные существа. Они похожи на кентавров из наших мифов – это тоже полулюди-полукони. Точнее, полупони. Крепенькие такие, коренастые. Мужчины непременно носят бороды и шляпы. Одеты полканы обычно в вязанные комбинезоны, похожие на комбинезончики для собак. Полканы-мужчины предпочитают сдержанные спокойные цвета: тёмно-синий, коричневый, серый, оливковый, а женщины и дети носят яркую одежду. Женщины ещё дополнительно украшают свои туалеты рюшами, кисточками и вышивкой. Полканийки очень большое внимание уделяют своей внешности: гриву, растущую ото лба до поясицы, они причёсывают самым причудливым образом, ногти на руках и копыта тщательно полируют и покрывают цветным лаком. Они, вообще, страшные кокетки. Впрочем, очень милые. Все полканийки замечательные рукодельницы, и почти постоянно руки их заняты вязанием или вышивкой.

В отличие от кентавров полканы не признают никакого оружия: ни луков, ни дротиков. Оружие полканам, вообще, ни к чему. Это мирные землепашцы и вегетарианцы. Им не на кого охотиться и ни с кем не надо воевать.

А ещё все полканы очень любят петь и танцевать.

Правда, об этом мы могли узнать только из справочника. Мы познакомились с полканами в недоброе для них время, и им было совсем не до песен и танцев. На этих симпатяг напали создания, которых мы окрестили «наездниками». Эти существа, как рассказала Лена, вычитавшая всё в своём замечательном справочном компьютере, почти целиком состоят из огромного седалища-присоски. Ручки и ножки у них тонкие как у паука-сенокосца, головёнка маленькая, сплюснутая. Они крепко-накрепко присасываются к своим жертвам и не отпускают их до самой смерти. И всё это время скрипуче похихикивают. Избавиться от наездника полканам не удаётся. Снять эту пакость друг с друга они тоже не могут.

– А откуда они, вообще, взялись, эти наездники? – спросил дядя Вадим, с сочувствием глядя на красивого молодого полкана, замученного наездником до смерти.

– Это межмировые пираты, – ответила Лена, взглядываясь в монитор справочника, – они кочуют по всем мирам, нападая на любых позвоночных, но на представителей разумной расы они напали впервые.

– А почему именно на позвоночных?

– Наездники – это разновидность вампиров. Только питаются они не кровью, а спинным мозгом.

– Вот пакость какая! Ладно, не будем терять время. Пойду готовить клоны. Лена, а ты пока закажи в мастерской нам с Иваном одежду, неприлично бегать голым среди благовоспитанных полканов.

Все разошлись готовиться к операции, а я осталась у вреза. Вскоре я увидела несущуюся по степи полканийку. За ней, спотыкаясь и жалобно окликая её, спешил и не поспевал малыш.

Вот полканийка взбежала на высокий обрыв и замерла, измучено поводя боками. Она была молода и красива. Её светлая грива была заплетена в изрядно растрепавшуюся от безумной скачки, но всё ещё изящную косуколосок, нарядное ажурное одеяние лазоревого цвета было дополнено ожерельем и браслетами из бирюзы. Но бледное лицо было обезображено страданием, большие глаза мутны и бессмысленны от боли, а по подбородку текла струйка крови из прокушенной губы. Полканёнок, радуясь, что мама остановилась, из последних сил подбежал к ней. Но она не заметила малыша. Шатаясь как пьяная, она добрела до края обрыва и бросилась вниз, на камни, торчащие из воды хищными клыками. Полканёнок растеряно затоптался на месте, потом сел по-собачьи на землю и заплакал.

У меня тоже потекли слёзы.

А наездник, несмотря на свою нелепую внешность, довольно ловко соскользнул с изуродованного тела погибшей и подплыл к берегу.

Малыш продолжал горько плакать, ничего не видя вокруг.

Я вдруг поняла, что наездник сейчас оседлает беззащитного ребятенка.

– Убегай, ну убегай же!

Но он не слышал и не понимал меня. И помочь некому!

Вдалеке в степи я увидела клубящуюся пыль. Это спешили к месту трагедии полканы. Хоть бы успели спасти маленького!

– Давайте, миленькие! Ну, давайте же быстрее! – закричала я.

А наездник преодолел уже почти половину расстояния до плачущего малыша и продолжал двигаться не спеша, но тем не менее достаточно быстро. И уже было совершенно ясно, что полканы не успеют добежать и помочь маленькому. А тот всё сидел и плакал, не замечая опасности.

– Вставай же, дурашка! Да вставай же, пока эта дрянь не добралась до тебя, – всхлинула я и стукнула кулаком по стеклу вреза.

Полканёнок, словно услышав, поднялся на ножки, растеряно оглядываясь и хлопая длинными, слипшимися от слёз ресницами. А наездник уже приготовился оседлать свою жертву.

– Копытом его, копытом, – крикнула я, в бессильной злобе сжимая кулаки.

Неожиданно рядом с малышом появился высокий полкан с рыжей гривой и всклокоченной рыжей бородой. Его комбинезон горчичного цвета был застёгнут через пуговицу, как будто рыжегривый полкан одевался в страшной спешке.

Я не успела заметить, откуда он взялся. В рыжегривом я не сразу узнала клон дяди Вадима – всё-таки эти модификации у меня в голове не укладываются.

Рыжегривый встал, заслоняя малыша собой. Наездник тут же переключился на новую жертву. Наездники, как было написано в Ленином справочнике, предпочитают нападать на самых крупных сильных и красивых. Может быть потому, что над сильными поглумиться можно подольше. Но едва Паразит вспрыгнул на спину рыжегривого, как сразу дико заверещал и скатился с полкана как ошпаренный. Держась за вспухший покрасневший зад, наездник бросился прочь с максимальной скоростью, которую могли позволить ему убогие ножонки.

Только тут я заметила, что рядом со мной уже сидит дядя Вадим.

– Ага, – с удовлетворением сказал он, – значит, я не ошибся в выборе, а Иван всё настаивал на каких-то электрических сложностях.

– Дядя Вадим, а что ты сделал? – спросила я.

– Спину клона горчицей намазал. Самую забористую выбрал. Каков эффект!

– Здорово!

Но тут из кустов выполз ещё один наездник.

– Что ты там кричала про копыта? – спросил дядя Вадим.

Рыжегривый одним лёгким прыжком подскочил к наезднику и наступил огромным копытом на паучью лапку.

Наездник завыл. Рыжегривый наклонился, будто с удивлением разглядывая, валяющегося под ногами вампира, потом сказал малышу:

– *Смотри-ка, других мучает, а когда самому больно, ему не нравится.*

– Ага, – кивнул полканёнок, подошёл к рыжегривому и доверчиво прижался к нему боком.

– *Главное, не дать наезднику оседлать себя, а на земле они беззащитны. И я, и ты гораздо сильнее любого из них, пока они на земле.*

Потом рыжегривый вновь склонился к поверженному наезднику.

– *Запомни, зараза, не в твоих интересах попадаться кому-то из нас ещё раз на глаза.*

После этого рыжегривый мощным пинком отшвырнул наездника.

В это время, наконец, подбежали полканы. Полканийки заахали, глядя на погибшую сестру и стараясь приласкать осиротевшего малыша, а мужчины окружили рыжегривого незнакомца. Тогда он достал из нагрудного кармана баночку горчицы и стал объяснять, как именно ему удалось расправиться с наездником. Седобородый полкан в синем комбинезоне взял баночку, понюхал её содержимое, обмакнул в горчицу палец и осторожно попробовал, затем радостно закивал и возбуждённо заговорил, показывая куда-то вправо.

Слов я не разобрала, и дядя Вадим объяснил мне, о чём речь.

– Представляешь, у них растёт что-то подобное нашей горчице. Ну, держитесь, наездники! Быть вам всем с обожжёнными присосками. Леночка, посмотри-ка где-нибудь в нэте, как именно горчицу готовить надо, а я полканам расскажу. Они ребята сообразительные, всё на лету схватывают. Я уверен, что они быстренько из местного сырья наготовят столько оружия против паразитов, что те постараются не слишком обременять хозяев своим присутствием в этом мире.

В это время появился ещё один наездник. Сколько же их там в этих скалах? Наверно, там их гнездо. Так и ползут, гады. Полканы, увлечённые разговором, его не видели. Я толкнула дядю Вадима, привлекая его внимание, но тут малыш, успевший усвоить уроки самообороны, подскочил к наезднику и от души врезал ему копытом.

Сил у ребёнка было, конечно, меньше, чем у взрослого, и тот не отлетел, а лишь с воем завертелся волчком на месте.

– *Браво, малыш! Так держать! Мы с тобой скоро тут всех наездников разгоним!* – воскликнул рыжегривый, небрежным жестом отшвырнул паразита далеко в море и обнял отважного полканёнка.

И тот, неуверенно хихикнув или всхлипнув, уткнулся лбом рыжегривому в грудь.

Я перевела дух, оттерла невольные слёзы и, наконец, смогла оглядеться. Оказывается, у вреза собрались уже все. Даже тётя Катя пришла, хотя она всегда повторяет, что все эти миры её совершенно не интересуют. Но мне прочему-то кажется, что она так говорит в воспитательных целях.

А полканы тем временем начали танцевать, чествуя героя – победителя наездников. А кудрявая полканийка в розовом, обильно изукрашенном рюшками комбинезоне, уже напропалую кокетничала с рыжегривым.

Тётя Катя сказала недовольно:

– По-моему у этой Барби вид довольно пошловатый.

– Ты, что, ревнуешь? – засмеялся дядя Вадим.

– Вот ещё, глупости. С какой это стати я буду жеребца ревновать? – возмутилась тётя Катя.

Рыжегривый, обернулся в нашу сторону, нахально подмигнул и заржал:

– Ревнует, ревнует. Даже не сомневайся!

– Неправда, – сердито крикнула тётя Катя.

И все вокруг засмеялись, даже Иван Дмитриевич, про которого я думала, что он совсем смеяться не умеет.

А рыжегривый помахал нам, потом обнял одной рукой кудрявую, другой осиротевшего малыша, и, окружённый остальными полканами, пошёл прочь.

Один из полканов задержался и, глядя прямо на нас, сказал:

– А всё-таки, горчица – это абсолютно ненаучная авантюра.

– Иван Дмитриевич? – спросила я.

– Он самый, – засмеялся дядя Вадим.

– Да, это я, – сказал настоящий Иван Дмитриевич, вылезая из своего кресла и подходя к нам с дядей Вадимом, – и я ещё раз повторяю, что мазать спину горчицей ненаучно, а учить детей драться непедагогично. Ну, с тобой, Вадим, всё понятно, ты у нас авантюрист, но вот от тебя, Маша, я этого не ожидал. Ты такая положительная девочка. Надо искать иные методы воздействия. Между прочим, возможно, наездники тоже относятся к разумным существам.

– Предлагаешь заняться их перевоспитанием? – насмешливо спросил дядя Вадим.

– Можно хотя бы попробовать найти с ними общий язык и вступить в переговоры.

В это время из кустов выполз очередной наездник, и полкан-Иван Дмитриевич, не прерывая нравоучений, лягнул наездника, так, что тот испустил дух на месте.

– Поздравляю с первым успехом на дипломатическом поприще! – засмеялся дядя Вадим, а Иван Дмитриевич тряхнул головой, словно отбрасывая гриву, и сказал:

– Между прочим, копыто – это тоже весомый аргумент в дипломатии!

* * *

Это был обычный день. Тётя Катя наводила порядок в своём врачебном кабинете, дядя Вадим над чем-то колдовал у себя в лаборатории, Иван Дмитриевич и Лена пытались вбить в отчаянно сопротивляющийся компьютер очередную головоломную программу, а неутомимый Лёша насмерть рубился на мечах с собственной тенью в спортивном зале. Я сидела у вреза с учебником английского и ждала, когда врез проснётся. Он долго оставался тёмным, потом вдруг засветился мягким светом, и я увидела странное создание: маленькое, не больше ногтя, светло-зелёное сердечко покачивалось на нитевидном стебельке. Вроде ничего особенного, но оторвать взгляд от этого качающегося сердечка было невозможно – так радостно было на него смотреть. Я замерла, боясь спугнуть удивительное создание неосторожным дыханием. Потом рядом с зелёным появилось второе сердечко шоколадного цвета. Некоторое время сердечки независимо покачивались на своих стебельках, каждое в своём ритме, и вдруг случайно соприкоснулись и сразу слились в одно, сразу разросшееся до размеров ладони и засиявшее матовым молочно-белым светом. В глубине этого нового сердечка мелькнуло что-то красноватое, и вскоре можно уже было отчётливо рассмотреть алую капельку, которая росла и становилась всё ярче прямо на глазах. Я затаила дыхание. Почему-то мне казалось, что сейчас произойдёт что-то удивительное и прекрасное.

Но тут к сердечку неуклюже подползло животное, похожее на огромную, высотой почти с терьера, жабу, тёмно-серую с редкими длинными щетинами, напоминающими иглы дикобраза, на спине и затылке. Несколько мгновений «жаба» наблюдала за светящимся сердечком бледно-лимонными глазами, потом вдруг распахнула широченную, как чемодан пасть, и проглотила сердечко.

Мне стало как-то даже обидно.

– Опять проглот, зараза!

Я обернулась. За моей спиной стояла Лена, и, судя по выражению её лица, она тоже была обижена и даже рассержена.

– Лена, а что это было? Эти танцующие сердечки?

– Мы пока этого не знаем. Мы даже не знаем, кто это? Растения или животные, а, может быть, даже разумные существа. Мы называем их любоцветами. Нам их показали ангелы. Сказали, что увидеть полностью расцветший любоцвет – к счастью. Только это редко бывает. Да ещё этот проглот, обжора!

– А зачем он ест любоцветы?

– Он ими лакомится, паршивец.

– И ничего нельзя сделать?

– Миротворческий Совет пока такого задания не давал. А мы ведь не отсебятиной занимаемся. И вообще, слишком ещё мало знаем про другие миры. А, может быть, в этом проглоте есть какой-нибудь смысл. Правда, с моей точки зрения, это просто бессмысленная противная волосатая жаба. Забудь про него. Сейчас Иван Дмитриевич будет настраивать врез на другой мир.

– А можно я здесь посижу? Я тихонько-тихонько.

– Ну, посиди. Только там ничего интересного не будет. Одни батальные сцены, – ответила Лена со вздохом.

Иван Дмитриевич тем временем что-то там поколдовал с настройкой, и перед нашими глазами возникло поле боя. Всё тут было, как на настоящей войне: плевались огнём пушки, летали в воздухе тяжёлые чугунные ядра, свистели пули. Вот только сами воюющие были не похожи на воинов. Это были толстенькие пушистые зайчата голубого, розового и нежно-жёлтого цвета. И странно было видеть в их коротких лапках настоящее оружие. Но дрались пушистики всерьёз. И убивали друг друга по-настоящему.

– Леночка, будь добра, посмотри там, в справочнике, по какому поводу зайчишки так разбушевались. Капусту не поделили? – спросил Иван Дмитриевич.

– У них религиозные расхождения, – ответила Лена, – там у них есть два бога: Колак и Брелак. Вот их сторонники и лупцуют друг друга почём зря. Бойня продолжается уже более тысячи лет.

– Во дают придурки! – воскликнул Лёша.

– Между прочим, – сказала Лена, – Совет миротворцев просил вмешаться как можно скорее, потому как раса на грани вымирания.

– Ну, ещё бы, – вздохнул дядя Вадим, – неленивые зайчатки стараются приблизиться к этой грани из всех сил. Ну, что будем делать? Как будем зайчиков мирить?

– Может, между ними стену возвести вроде Берлинской. И будут они по разные стороны жить, – неуверенно предложил Иван Дмитриевич.

– Прогрызут, – возразил Лёша, – по всему видать, эти зайцы – упёртые пацаны, что им какая-то стена.

– А, что, если к ним миссионеров послать, чтобы они уговорили заек жить в мире и любви? – сказала Лена.

– Нет, лучше не миссионеров, а богов. Этих, как их там, Колака и Брелака. И пусть они на глазах у воюющих побратаются, – воскликнул дядя Вадим.

– Но у нас же нет никакой серьёзно обоснованной концепции создания внешнего облика этих богов? – сказал Иван Дмитриевич.

– Ну и что. Мне кажется, что и сами зайчишки за тысячелетнюю войну основательно подзабыли подробности. При таком образе жизни культура и религия должны были просто на корню засохнуть за такое время. Вряд ли зайки успевают в условиях войны что-либо

изучать. Так что побольше спецэффектов, и любой из нас хоть за Колака, хоть за Брелака сойдёт.

– Нет, нет. Так нельзя. Чем-то они всё-таки различаются. Надо это уточнить, а то появишься Колаком перед брелакопоклонниками. А зайчики эти, между прочим, плотоядные, – сказала Лена.

– Ну, покопайся в справочнике. Что там об этой парочке известно?

– Да почти ничего. Только то, что Брелак ездил на огненной колеснице, а Колак верхом на крылатом льве.

– Значит, идём на риск и создаём свои образы. Надеюсь, зайки не обидятся. Тем более что они сами вряд ли точно знают, что им надо, – сказал Лёша.

Пока миротворцы препирались, на поле боя наступил обеденный перерыв. По сигналу барабанов стрельба с обеих сторон резко прекратилась, и зайчата, не обращая никакого внимания на противников, отправились с носилками собирать своих убитых и раненных. Первых они довольно небрежно сбрасывали в заранее выкопанные ямы для захоронения, а вторых относили на покрытые светлой тканью площадки. Мы предположили, что это полевые госпитали, но тут раздался ещё один сигнал барабанов, и зайчатки с завидным аппетитом принялись заживо пожирать собственных раненных. Время от времени кто-то из них приподнимал окровавленную морду и злобно скалился на соседа, если подозревал, что тому удалось урвать лучший кусок. Мне стало неприятно смотреть на такое, и я отвернулась. Кажется и остальным увиденное явно не понравилось.

– Ничего себе! – воскликнул Лёша. – Что-то мне расхотелось зверушек спасать. Пусть меня защитники природы простят, но я бы чохом пустил бы всю эту ушастую братию на рагу. И никаких больше проблем!

– Алексей, ты говоришь глупости, – уныло протянул Иван Дмитриевич, – ты же понимаешь, мы должны помогать всем, кто в нашей помощи нуждается, независимо от того, нравятся они нам или нет. Это основная концепция миротворчества. Спустись к пиротехникам и придумайте с ними что-нибудь эффектное для появления богов. И к инженерам загляни – пусть над колесницей подумают.

– А льва где возьмём? – спросил дядя Вадим.

Миротворцы переглянулись.

– Проблема, – вздохнул Лёша, почесав затылок, – льва нам вряд ли кто даст.

– А что, если сделать клон Гусара с крыльями и гривой? – осмелилась предложить я.

– А что? Верно. Молодец, Маша, – дядя Вадим с шутливой важностью пожал мне руку.

– Да Гусар сожрёт там ваших зайчиков, – возразила Лена.

– Не, Ленк, не бойсь. Всех не сожрёт, а оставшиеся больше уважать будут, – сказал Лёша.

Для плотоядных зайчиков было устроено классное представление. Иван Дмитриевич подвесил одновременно три портала: за спинами воюющих, где должны были появиться «боги», и один в самом центре поля. В этом портале Лена под прикрытием временного кармана, созданного Минутычем, должна была до начала основной операции установить специально запрограммированную лазерную установку.

Светопредставление началось по сигналу Минутыча. Все три портала ослепительно засияли одновременно, и Вадим с Алексеем предстали перед зайцами. Так и не решив, как именно выглядят Колак с Брелаком, миротворцы решили не ограничивать свою фантазию. Вадим появился на поле верхом на огромном льве-Гусаре с крыльями, в которые были вплетены сверкающие ёлочные гирлянды. Такие же гирлянды сияли в пышной рыжей гриве. В сочетании со сверкающими естественным блеском замечательными клыками, всё это выглядело весьма впечатляющим. Сам Вадим не отставал от Гусара, явившись взорам воюющих в виде двухметрового лилово-оранжевого зайчишки со зверской физиономией. Из

Алексея тоже получился красавчик. Он был раскрашен в бодрую красно-зелёную полоску, а его мотоцикл обильно рассыпал вокруг себя искры. Одновременно с эффектным появлением миротворцев включилась лазерная установка и принялась выписывать на небе нечто невообразимое и абсолютно нецензурное – в Лене проснулся трудный подросток, и она уже расстаралась выразить своё отношение к зайчикам.

– Ну, Ленка, ты даёшь, – громким шёпотом возмутился дядя Вадим.

– А что тут такого? – заступился за жену Лёша. – Мне, между прочим, эти плотоядные зайчики тоже не понравились.

– Понравились – не понравились! Ладно, мы с тобой взрослые мужики, но здесь же Маша, – сердито прошептал дядя Вадим.

– Да, ладно тебе, Вадька, у Машки же в этой заячьей тусовке клонов нет, и, следовательно, никаких подробностей она видеть не может. Ленка, как оно выглядит через взрез?

– Да никак, – обижено отозвалась Лена, – просто светлые пятна на небе. А ты, Вадька – зануда!

– Не отвлекайтесь, – бесстрастно прошелестел Минутыч, – сейчас зайцы придут в себя.

– Да, работаем, – согласился дядя Вадим.

Зайчат проняло. Кто-то в ужасе заметался по полю, кто-то рухнул ниц, кто-то сложил лапки в молитвенном экстазе. А «Колак» и «Брелак», словно не замечая никого вокруг, с идиотскими воплями радости бросились друг к другу.

А я задумалась. Получается, я не могла видеть Лениного хулиганства. А почему же я его видела? Непонятно. Ведь не придумала же я это.

Я чувствовала себя как-то неловко от того, что видела все эти неприличности, как будто случайно в мальчишечий туалет заглянула. И признаться мне в этом было стыдно.

Между тем представление продолжалось. Алексей приготовил зайчикам и небольшой сюрприз от себя лично: неожиданно из магнитофона, установленного на мотоцикле, раздалось:

«В тёмно-синем лесу, где трепещут осины...»⁴.

Ой, я узнала эту песню. Я фильм «Бриллиантовая рука» раз пять по телевизору смотрела.

Когда грянул припев, Алексей принялся подпрыгивать и дрыгать ногами. Вадим спрыгнул со «льва» и поспешил присоединиться к Алексею, прихватив за шкурки в каждую руку по зайчику. Алексей тоже поймал пару ушастиков. Попрыгав с зайками в руках несколько мгновений, миротворцы заставили их прыгать самостоятельно, а сами схватили по следующей паре.

Круг танцующих всё расширялся.

«А нам всё равно, а нам всё равно. Пусть боимся мы волка и сову!»

Пушки, ружья, и прочее вооружение хрустело под ногами «богов» или втапывалось в землю. Зайцы же, не имея возможности растаптывать оружие, просто отбрасывали его со своего пути.

«Храбрым станет тот, кто три раза в год в самый жуткий час косит трын-траву!»

Миротворческая операция превратилась в настоящее безумие. Небеса были вдоль и поперёк исписаны всякими неприличными словами. «А нам всё равно» гремело всё громче, ошалевшие зайцы прыгали вместе с «богами», а лев-Гусар недобрым оскалом и порывками вдохновлял присоединяться к сумасшедшему танцу всё новых и новых участников.

Первой не выдержала заразительного безумства Лена. Подхватив Лёшу, она запрыгала вокруг взреза, распевая во всё горло: «А нам всё равно, а нам всё равно...» После пары кругов Лёша выдрал из кресла Ивана Дмитриевича, а тот, оглядевшись вокруг квад-

⁴ «Песня про зайцев» из к/ф «Бриллиантовая рука». Муз. А. Зацепина, сл. Л. Дербенева.

ратными от ужаса глазами, как в спасительную соломинку, вцепился в меня. Как вы понимаете, я не могла оставить дядю Вадима в гордом одиночестве. И мы как придурки прыгали по залу, громко и совершенно немзыкально выкрикивая: «А нам всё равно, а нам всё равно...». Гусар, решивший, что это такое специальное развлечение для заскучавших терьеров, с радостным лаем заскакал вокруг нас. А попугайчик Флёрка, чей музыкальный слух был оскорблён всем этим безобразием, сердито верещал. Тётя Катя, привлечённая диким шумом, застыла в дверях главного зала, раскрыв рот.

Музыка неожиданно смолкла, и мы, очнувшись, бросились к врезу. Недавнее поле боя выглядело устрашающе – всё оно, насколько хватало взгляда, было усеяно бездыханными тушками зайчишек. Там и сям были видны опрокинутые пушки, втоптанные в землю ружья и ядра, размолотые в щепу арбалеты. В центре побоища, привалившись друг к другу спинами, сидели «Колак» и «Брелак» и тяжело дышали. Вид у них был совершенно измученный.

Сначала мы решили, что зайчики и впрямь все передохли от безумной пляски. Честно сказать, что особого сожаления мы не испытывали, хотя и понимали, что миссия безнадежно провалена. Однако минут через пятнадцать зайчики начали слабо шевелиться. Ага, живы ушастые! Ну и славненько.

– Бедные зайцы! После такого потрясения им вряд ли ещё когда-нибудь захочется воевать, – сказал Иван Дмитриевич.

– Ага, – согласилась Лена, – правда, непонятно, чем, собственно они займутся, так как за тысячу лет войны они разучились делать что-либо мирное.

– Да я тут заглянул в справочник. У этих зайчиков замечательные природные условия. Полно всякой дичи. Будут охотиться потихоньку. А в дальнейшем можно будет постепенно одомашнить некоторые виды и перейти к цивилизованному сельскому хозяйству. И ещё я, точнее Колак, конечно, планирует ликвидировать их тысячелетнюю безграмотность, – задумчиво произнёс дядя Вадим.

– А Брелак, пожалуй, займётся их физической культурой, – добавил Лёша, – будут зайчики по утрам зарядку делать, соревнования по бегу устраивать. И ещё Брелак будет активно пропагандировать среди ушастых вегетарианство. Всё-таки зайцам приличнее есть капусту, чем мясо.

А Гусар ничего не сказал. Он только ухмыльнулся, как умеют ухмыляться только терьеры: ни на что не намекая, но при этом демонстрируя все свои замечательные зубы.

* * *

Я опять увидела любоцвет. Зелёное сердечко долго качалось на своём стебельке в одиночестве. Потом появилось коричневое, они потанцевали некоторое время, но слияния не произошло. Мне стало обидно – получается, что новой любви сегодня зародиться не суждено. Но тут появилось ещё одно коричневое сердечко, и зелёное сразу прильнуло к нему. Сбоку подполз проглот и приготовился разинуть свою пасть-чемодан.

– А ну, брысь! – заорала я.

Проглот вытаращил на меня лимонные глаза, испуганно икнул и поспешил уползти подальше. А алая звёздочка всё росла и становилась ярче и вдруг словно взорвалась, раскрывшись огромным дивным цветком.

– Ух, ты! – я не могла сдержать восторга.

Лена, сидевшая рядом, тоже обрадовалась.

– Ребята, – закричала она, – любоцвет расцвёл!

Дядя Вадим, Иван Дмитриевич и Лёша бросились полюбоваться этим зрелищем.

– Загадывайте желания! – закричал Лёша. – Скорее, он сейчас отцветёт!

– Между прочим, это Маша спасла любоцвет, – объявила Лена.

– Как? – удивился Иван Дмитриевич.

– Я сказала проглоти: «Брысь!», – и он послушненько убрался.

– Машка, ты молодец, – сказал дядя Вадим.

– Интересно, как это Маше удалось пообщаться с другим миром, не отправляя туда своего клона? – задумчиво произнёс Иван Дмитриевич. – Знаешь что, Машенька, пойдём в лабораторию, я тебя посмотрю. А нет ли у тебя каких-то паранормальных способностей?

Мы отправились в лабораторию. Там Иван Дмитриевич усадил меня в кресло и всю утыкал какими-то датчиками, отчего я стала похожа на взъерошенного ёжика. Иван Дмитриевич бродил между приборами, к которым тянулись проводки от датчиков, и бормотал:

– Ничего не понимаю... Ничего не понимаю...

Тут в лабораторию ворвалась тётя Катя.

– Иван, что ты делаешь с Машей? – строго спросила она.

– Видишь ли, Катенька, Маша сумела сделать невозможное, а именно: выйти на связь с иным миром без посредничества клона. Естественно, я предположил наличие у неё каких-то паранормальных способностей. С сожалением должен констатировать, что девочка абсолютно нормальна. Ой, Машенька, встрепенулся Иван Дмитриевич, подвинь, пожалуйста, эту коробочку.

Спичечный коробок, на который указал Иван Дмитриевич, стоял слишком далеко, и достать его, сидя в кресле, я не смогла. Поэтому я встала с кресла, сделала шаг вперёд, насколько мне позволили облеплявшие меня датчики, и, вытянув руку, с трудом дотянулась до коробка кончиками пальцев и толкнула его.

– Увы, – вздохнул Иван Дмитриевич, – даже телекинезом она не владеет.

– И замечательно! – сказала тётя Катя. – А теперь немедленно отцепляй от неё всю эту гадость и больше никогда не смей экспериментировать над ребёнком.

– Но я просто хотел посмотреть..., – стал оправдываться Иван Дмитриевич и, отлепляя от меня датчики, робко спросил, – Машенька, тебе ведь не было больно.

– Не было.

– Ну, вот, видишь, Катенька. Я не причинил девочке никакого вреда.

– Ещё чего не хватало! – возмутилась тётя Катя, и взяла меня за руку. – Пойдём отсюда.

* * *

Однажды мы все вместе завтракали в кухне-столовой. В этот день я решила приготовить на завтрак мамины фирменные блинчики. И они всем понравились. Понравились настолько, что когда заголосил тревожный зуммер, из-за стола выскочил только Иван Дмитриевич. Мы ещё не успели допить чай, а Иван Дмитриевич уже вернулся.

– Прекращайте потреблять калории, – строго сказал он, – нам сейчас предстоит работа в Раю.

– Мне и здесь неплохо, – отозвался Лёша, поглаживая живот рукой.

– Ничем не могу помочь. Рай – это место нашей следующей работы.

– В каком смысле? – спросил дядя Вадим.

– В том, что это самый прекрасный из всех существующих миров нуждается в нашей срочной помощи. По крайней мере, мне так сказали в Совете. Пошли к справочному компьютеру, посмотрим подробности.

Тётя Катя осталась мыть посуду, а мы все потянулись в главный зал. Лена уселась за главный компьютер и набрала код Рая.

– Ого! Вы только послушайте, что про него сказано в справочнике, – воскликнула она и начала с выражением читать:

– Этот мир насчитывает миллионы растений и животных. При этом там нет и в помине никаких болезнетворных микробов, нет ядовитых или некрасивых растений. Там даже хищников нет. Точнее, был один вид – шалисы – нечто среднее между нашими земными лисицей и золотистым шакалом. Но и эти животные неожиданно погибли несколько лет назад.

– И вот с этого необъяснимого исчезновения шалисов и начались проблемы, – вставил Иван Дмитриевич.

– Что же там произошло? – спросил Лёша. Иван Дмитриевич начал объяснять:

– Там обитают так называемые крысищи. Всеядные зверьки, похожие на наших пасюков⁵, но в три раза крупнее, и превосходящие их наглостью и хитростью. Шалисы сдержали популяцию крысищ в пределах, соответствующих оптимуму, и те мало попадались на глаза остальным обитателям Рая. Более того, крысищи играли роль своеобразных санитаров этого мира, уничтожая слабых и умерших животных. Но после гибели хищников крысищи стали размножаться с катастрофической скоростью. Они уже безвозвратно уничтожили несколько видов животных и птиц, разоряя их норы и гнёзда и пожирая их потомство. Под угрозой вымирания ещё десятки видов. Если эти твари не умерят свой аппетит, то и растениям может грозить гибель. Уже более трёх лет крысищи полностью уничтожают все семена и клубни. И когда вследствие естественного старения ныне существующие растения будут погибать, им на смену не придёт молодая поросль. Но и это ещё не всё. В сложившейся обстановке крысищи представляют уже немалую опасность и для разумных обитателей Рая. Они не только стали причиной голода в некоторых регионах, но и начали уже нападать на детей.

– Ой, – вскрикнула Лена и схватила за живот.

У Лены скоро должен родиться маленький, и ей сейчас нельзя про такие ужасы слушать.

– Лена, а что представляет собой разумная раса? – спросил дядя Вадим.

– Там живут пери. Полюбуйтесь.

Лена нажала на нужную клавишу, и на огромном мониторе появилась женщина совершенной красоты. Не только Лена – Елена Прекрасная, но даже мама показались бы рядом с этой красавицей почти дурнушками. У пери была просто идеальная фигура, целый водопад блестящих ярко-рыжих волос, огромные глаза удивительного бирюзового оттенка и такие роскошные ресницы, что можно было только завистливо вздыхать. На пери было красивое, как у принцессы, платье ещё больше подчёркивающее её красоту.

Мы с Леной и тётей Катей тихонько вздохнули, а Лёша воскликнул:

– Ух, ты!

– Да, феерическое зрелище, – сказал дядя Вадим.

Только на Ивана Дмитриевича красота пери не произвела никакого видимого впечатления, и он нетерпеливо сказал:

– Леночка, ну с этим объектом всё ясно. Давай дальше. Там наверняка должен быть и крысищ.

Лена, хмыкнув, пощёлкала клавишами, и на экране красавицу сменило малосимпатичное острозубое животное с хвостом, утыканным острыми шипами.

– Вот это и есть интересующий нас объект. И давайте думать, что нам с этим делать.

– Может использовать яд, – неуверенно предложил Лёша.

– А где гарантия, что этим ядом мы не перетравим ещё каких-нибудь животных? А им и так сейчас несладко приходится, – возразил дядя Вадим.

– Ловушки?

– Малоэффективны. Я прикинул вчерне, учитывая способность крысищ к воспроизводству, нам придётся покрыть ловушками всю поверхность земли в три с половиной слоя.

⁵ Пасюк – серая крыса.

Кстати, сами пери уже пробовали устанавливать крысоловки, но крысищ это нисколько не остановило. Именно поэтому Повелительница Пери обратилась в Совет миротворцев.

– А нигде не осталось ни одного шалиса? – спросил дядя Вадим.

– Информация об этом отсутствует. А ты полагал сделать клоны и таким образом восстановить популяцию? – повернулся к нему Иван Дмитриевич.

– На мой взгляд, это было бы неплохо. Не сразу, конечно, но шалисы сумеют призвать этих тварей к порядку.

Но Иван Дмитриевич вздохнул.

– Это было бы оптимальное решение, проблема была бы решена, так сказать, естественным, не противоречащим местной экологии, путём. Но, по-видимому, шалисов больше не существует. Да и где гарантия, что их наследственный материал не был поврежден. Что-то стало причиной массовой гибели этих животных в отсутствии возбудителей болезней.

– А может, найти шалисам достойную замену? – тихо спросила я.

– Маша, ну кем ты их заменишь? Ясно же сказано, что иных хищников там нет, – отмахнулся дядя Вадим.

– А собаки?

– Какие собаки? – не понял дядя Вадим.

– Насколько я знаю, с крысами лучше всего справляются таксы и терьеры. Может, и крысищи им будут по зубам. Вот только таксы, на мой взгляд, маловаты будут. Эти зверюги больше такс. А терьеры – в самый раз. Гусарик уж точно даст жару этим крысищам! Мало не покажется!

– Маша, это смешно. Один Гусар с этой бандой не справится, они же его просто слопают, – сказала Лена.

– погоди, погоди, Леночка, но ведь мы же можем его клонировать. В этом, несомненно, присутствует некое рациональное зерно, – оживился дядя Иван Дмитриевич.

– Более того, мы можем клонировать не только Гусара, но и его подружку. Сейчас я позвоню Павлу Петровичу и попрошу немного материала от его Златки, – подхватил дядя Вадим.

– А это ещё зачем? – удивилась Лена.

– Если собачки придутся ко двору, то пусть плодятся на страх крысищам. Машка, ты у нас молодец. Пятёрку тебе за идею! – весело сказал дядя Вадим.

– И сколько собак ты собираешься туда отправить? – спросила Лена.

– К сожалению, возможности клональной ограничены. С учётом того, что ещё надо будет отправлять в Рай два наших клона, реально можно подготовить не более трёх пар собак. Но для начала, я полагаю, этого должно хватить.

– Я готов принести себя в жертву и пойти в рай сам, уступив своё место в клональной для собачек, – сказал Лёша.

– Не говори глупостей, – возразил Иван Дмитриевич, – ты же знаешь, что согласно технике безопасности работать в иных мирах должны только клоны и только вдвоём.

– Ну, какая техника безопасности должна быть в Раю? – воскликнул Лёша.

– Рай не Рай, но нарушать инструкцию без особой нужды не следует. Пусть работают клоны, – стоял на своём Иван Дмитриевич.

– Ладно уж, перестраховщики, – вздохнул Лёша, – а кто пойдёт со мной?

– Мне кажется, Ваня, надо послать твоего клона. Ты у нас молодой, неженатый, может там хоть твой клон судьбу найдёт, – хихикнула Лена.

– Ни за что! – живо откликнулся Иван Дмитриевич.

– Что так? – Лена невинно захлопала длинными ресницами.

– Леночка, если бы там обитали только крысищи, то я с превеликим удовольствием, а к женщинам... Я ещё не готов к таким контактам. Может быть лет через пятьдесят.

– Не бойся, Ваня, я тебя спасу и отправлю к этим красавицам своего клона. А уж тебе достанутся потом какие-нибудь каракатицы пострашнее, – засмеялся дядя Вадим.

– Согласен, – отозвался Иван Дмитриевич тусклым голосом, – только давайте не будем терять время.

– Золотые слова, – прошептал вездесущий Минутыч.

– Да, пойдём готовиться, – сказал дядя Вадим.

Первыми в шлюз выскочили терьерчики. Шлюз словно засветился от их радостной рыжины и зазвенел от их лая. Потом появился клон дяди Вадима. Так-так, всё ясно! Рост повыше, плечи пошире, подбородок поквадратнее. Даже вечный хохолок улёгся благопристойнейшим образом. Ох, влетит ему от тёти Кати!

Но тут в шлюз вышел клон Лёши, и я вообще чуть со стула не свалилась.

Ничего себе Добрыня Никитич! Косая сажень в плечах, мускулы картинно перекатываются под рубашкой, пшеничные кудри и усы (а эти-то откуда взялись?) расчёсаны волосок к волоску. Словом, сплошная красота! Только коня не хватает!

– Ты бы ещё павлиний хвост нацепил, – сердито прошипела Лена оригиналу, откровенно любующемуся своим клоном.

Я вдруг представила это зрелище и фыркнула, через мгновение хохотали уже все.

Только лишённый чувства юмора Минутыч остался серьёзным и призвал нас к порядку.

– Ну, что, готовы? – буркнул Минутыч, когда адаптация клонов была завершена.

Оба клона одновременно кивнули, а терьерчики залились нетерпеливым лаем.

– Тогда начали, – невозмутимо сказал Минутыч.

Дымка остановившегося времени растаяла, и можно было подробно разглядеть окружавший миротворцев дивный сад. Роскошные цветы самых разных форм и расцветок, поющие яркие рыбки, ручные колибри, словом всё то, что может представить себе самое смелое воображение при слове «рай». Правда, долго любоваться природой миротворцам не пришлось, потому как на дорожке, выложенной кусочками полированной яшмы, показалась пери.

Она была так хороша, что бедная Лена даже тихонько застонала от досады. Мне стало её ужасно жалко, а вдруг Лёша влюбится в эту красавицу. Я пересела поближе к ней и осторожно погладила её по руке.

– Лена, ну не расстраивайся ты так. Ты в сто раз лучше этой куклы!

Поигрывая огромной шипастой палицей, пери нежным голоском осведомилась, какого дьявола наглые мужчины посмели вломиться в царство женщин и догадываются ли они, какая участь их ожидает.

Грубые слова и несуразная дубина странно не соответствовали дивной внешности пери, и миротворцы на мгновение опешили, но Вадим быстро пришёл в себя и, учтиво поклонившись суровой даме, сообщил, что они с товарищем присланы сюда Советом миротворцев, в который за помощью обратилась сама Прекрасная Повелительница Пери. Красотка с сомнением посмотрела на мужчин, как бы прикидывая, а не пристукнуть ли их прямо на месте среди цветущих глициний, но потом милостиво согласилась проводить миротворцев к правительнице и зашагала по яшмовой дорожке. Вадим и Алексей, переглянувшись, пошли следом за суровой красавицей. А терьерчики побежали за ними, шныряя по придорожным кустам и вызывая страшное возмущение у райских птиц.

Путь оказался недолгим, и вскоре перед миротворцами зазолотился ажурный деревянный дворец. По увитой цветами террасе прогуливалась толпа придворных красавиц. При виде мужчин пери с визгами ужаса и омерзения шарахнулись в стороны.

Ни клоны дяди Вадима и Алёши, ни собаки не делали ничего страшного, а пери продолжали визжать на разные голоса. Но вдруг они все разом смолкли, как выключенные, и

вокруг резного дворца вдруг наступила почтительная тишина, и на пороге появилась Прекрасная Повелительница. Она была такая красивая, что я просто онемела. Да и тётя Катя только прерывисто вздохнула, поражённая этой красотой.

Прекрасная Повелительница обвела строгим взглядом своих подданных, потом повернулась к миротворцам. Вадим и Алексей почтительно опустили перед ней на колени и склонили головы.

– Вы и есть миротворцы? – недоверчиво спросила повелительница.

– Да, Прекрасная Повелительница.

– Что же, в вашем мире нет женщин?

– В нашем мире принято, что самое трудное и опасное берут на себя мужчины.

– Ваши женщины такие убогие?

– Напротив. Но мы, мужчины, стараемся не подвергать их опасности.

– Странный мир. А что это за животные рядом с вами?

– Это собаки. В нашем мире собаки самые верные друзья человека и помощники в самых разных делах. Такие собаки, как эти, в нашем мире весьма успешно справляются с тварями, похожими на ваших крыс. Мы надеемся, что и вам они смогут быть полезны. Возможно, они сумеют бороться с крысами не хуже шалисов.

Повелительница слегка поморщилась, потом сказала:

– Мне кажется всё это маловероятным, но я готова проверить возможности этих собак. Сама проверить. Пойдёмте в хранилище.

Хранилище оказалось огромным великолепным дворцом, едва ли не роскошнее того, в котором обитала сама Повелительница. Пери и миротворцы вошли в огромный высокий зал, опоясанный по стенам изящными резными галереями. Зал был буквально набит книгами. Книги стояли здесь от самого пола до почти неразличимого в сумасшедшей высоте купола. Судя по роскошным деревянным переплёткам, инкрустированным драгоценными камнями или оплётёнными тонкой золотой сеткой, филигранными застёжками из серебра, золота и перламутра, книги в хранилище были бесценны.

Крысы успели похозяйничать в этой великолепной библиотеке. У многих книг были изгрызены переплётки, где-то безнадежно измочалены страницы, а от каких-то книг вообще остались одни застёжки, валяющиеся в беспорядке на полу.

Кроме миротворцев и Повелительницы Пери в хранилище вошло ещё около десятка вооружённых палицами охранниц, но крысицей это абсолютно не смутило. Они не обратили никакого внимания на вошедших в хранилище людей. Впрочем, не совсем так. Один крысик заинтересовался ботинками Алексея и без всякого стеснения начал грызть шнурки. Получив заслуженный пинок, не сбежал, а припал к земле и угрожающе ощерился, всем своим видом показывая, что готов к бою. Несколько ближайших к людям крысицей также приняли угрожающие позы. Кто-то из охранниц сдавленно взвизгнул от ужаса. Впрочем, не только девушкам, но и Алексею с Вадимом стало не по себе. Если эти твари кинутся...

Но тут Повелительница белыми от страха губами приказала впустить в хранилище собак, нетерпеливо тявкающих за дверями.

– Но если крысицы вырвутся, то многие из собравшихся перед хранилищем погибнут. Крысицей слишком много, и они разозлились, – тихо сказала одна из охранниц.

Повелительница не успела ей ответить – собаки ворвались в хранилище.

Ещё ни одного терьера не приходилось уговаривать поймать крысу. Любитель чужих шнурков мгновенно рухнул, перекушенный пополам. Собаки с залихватским лаем разбежались по залу и, ещё до того, как крысицы успели осознать опасность, перекушили немалое их количество. Пери и их Повелительница были поражены увиденным.

– Ваши собаки справляются с крысицами гораздо лучше шалисов. Я даже представить себе такого не могла. Сегодня же прикажу наградить этих замечательных животных почётными бантами, – дрогнувшим голосом сказала Повелительница.

– Прекрасная Повелительница, в нашем мире собак за хорошо выполненную работу просто гладят, – сказал Вадим.

Повелительница неуверенно погладила одну из собачек. Та тут же, завиляв хвостом от восторга, радостно облизала ей руки.

Повелительница посмотрела на свои руки и слегка улыбнулась. Затем она свистнула, призывая придворных, и, когда зал до отказа наполнился красавицами, объявила им:

– Эти замечательные животные называются собаки. Они просто великолепные охотники на крысиц. Пусть они живут в домах в холе и неге, а вот эту собачку я оставляю себе и назову её Отважная Охотница. Все выберите себе собак и дайте им имена. Самцов тоже не обижайте. Пусть собачьи самцы не испытывают недостатка в пище и ласке. Тех из вас, кто возьмёт под своё покровительство самца собаки, я награжу особо.

И добавила, не меняя интонации.

– А мужчин немедленно уничтожьте!

Её нежный голос ещё не отзвучал под сводом хранилища, а оба клона рухнули мёртвыми, сражённые маленькими ядовитыми стрелками.

Мы отшатнулись от вреза, совершенно ошарашенные таким поворотом событий.

– Ни фиги себе! – воскликнул эмоциональный Лёша, хватаясь за горло в том месте, куда его клону впила ядовитая стрела, – а я к этим хищницам чуть живьём не сунулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.